

ФАБРИЧНАЯ ИНСПЕКЦИЯ И ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ ПОМПАДУРИЯ.

30 мая текушаго года Николай II написалъ „Утверждаю“ на новомъ документѣ дополняющемъ и безъ того выразительный обликъ нашего „декадентскаго“ правительства.

Документъ этотъ называется „О порядкѣ и предѣлахъ подчиненія чиновъ фабричной инспекціи начальникамъ губерній и о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ во внутренней организаціи ея“.

Суть его состоитъ въ томъ, что губернаторы становятся полными хозяевами фабричной инспекціи, которая лишается послѣдней тѣни самостоятельности, — и съ этой стороны, полная передача фабричной инспекціи въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, о чемъ не разъ говорилось въ печати, — очень мало способна прибавить къ послѣднему „полезнію“. Правда, институтъ фабричной инспекціи пока еще остается формально составной частью министерства финансовъ, но „мѣстные чины фабричной инспекціи дѣйствуютъ подъ руководствомъ губернатора (градоначальника, оберъ-полицеймейстера)“. Самое назначеніе на должность фабричныхъ инспекторовъ производится по согласенію съ губернаторомъ. Ему же предоставляется право требовать отъ чиновъ фабричной инспекціи представленія очередныхъ и срочныхъ докладовъ по дѣламъ инспекціи и — что особенно важно — ему же дана власть отмѣнять („въ интересахъ отлагательства случаевъ“) противорѣчащіе законамъ и интересамъ общественнаго порядка распоряженія чиновъ фабричной инспекціи, съ доведеніемъ о семъ до свѣдѣнія министерства финансовъ*. Слишкомъ ясно, что при такихъ условіяхъ фабричный инспекторъ превращается въ сущности въ чиновника особыхъ („фабрично-заводскихъ“) порученій при особѣ губернатора.

По закону, фабричная инспекція, учрежденная въ 1882 г. для надзора за примѣненіями закона о работѣ малолѣтнихъ, подчиняется, какъ извѣстно, непосредственно департаменту торговли и мануфактуръ (министерство финансовъ).

Когда въ 1886 г. поставленъ былъ на очередь вопросъ о расширеніи компетенціи фабричной инспекціи до общаго надзора за „законностью въ отношеніяхъ между фабрикантами и рабочими“, Общее Собраніе Государственнаго Совета, разсматривая соответствующій законопроектъ, обсуждало, между прочимъ, вопросъ о подчиненіи инспекціи непосредственному губернскому начальству и пришелъ къ тому выводу, что „столь коренное измѣненіе въ ея устройствѣ едва ли вымается указаніемъ опыта. Успѣшная дѣятельность инспекціи въ течение четырехъ лѣтъ со времени ея учрежденія, доказываетъ, что непосредственное руководство ею со стороны центральныхъ вѣдомствъ, нисколько не колебля влияние губернскаго начальства, во многомъ обезпечило спокойное и согласованное съ видами правительства примѣненіе закона о работѣ малолѣтнихъ“.

Но тѣ условія, которыя въ 1886 г. обезпечивали относительно „спокойное и согласованное съ видами правительства“ примѣненіе законовъ, между прочимъ и узкая сфера вѣдѣній фабричной инспекціи — совершенно измѣнились къ 1903 г. Отдѣляющій эти два момента періодъ времени составляетъ исторію русскаго рабочаго движенія, — и вотъ нынѣшніе интересы „закона и общественнаго порядка“ требуютъ того, что во имя ихъ отвергалось 17 лѣтъ тому назадъ — требуютъ полного подчиненія фабричнаго инспектора губернской власти.

Связь новаго полужаконодательнаго акта съ „идеей русскаго четвертаго сословія“ несомнѣнна. Этой связи способствъ не замѣтитъ развѣ только русскій либералъ, который въ „соціальной политикѣ“ самодержавія не усматриваетъ ничего, кромѣ чередованія моментовъ „государственной мысли“ и „государственной безмыслицы“, который за законодательнымъ экраномъ не видитъ борющихся социально-классовыхъ силъ, бросающихъ на экранъ свои прямые или обратныя отраженія.

Самый фактъ учрежденія фабричной инспекціи былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, актомъ „революционнымъ“: онъ позволялъ въ сущности конецъ лидернымъ апелляциямъ къ гаточной-нагаечной, патриархальной, якобы составляющей атмосферу нашихъ фабрично-заводскихъ отношеній. Фабричная инспекція, какъ постоянный аппаратъ „миролюбиваго соглашенія сторонъ“, означаетъ признание *нормальности* частыхъ, если не хроническихъ недоразумѣній между этими „сторонами“. Самый фактъ возможности искать разрѣшенія извѣстныхъ вопросовъ у надлежавшей инстанціи, можетъ стать и конечно становится для „сѣрыхъ“ рабочихъ первымъ толчкомъ къ робкимъ, неоформленнымъ размышленіямъ въ сторону „идеи четвертаго сословія“.

И въ этомъ именно — составъ преступления фабричной инспекціи. Она виновата, она сугубо виновата въ томъ, что стоитъ на пересѣченіи враждебныхъ интересовъ пролетариата и буржуазии. И какъ бы фабричный инспекторъ ни старался нейтрализовать социальныя противорѣчія въ интересахъ порядка, т. е. абсолютизма, классовыя тенденціи пролетариата сохраняютъ свою внутреннюю логику, глубоко-революционную, непримиримо враждебную самодержавію, — и они, готовы, въ томъ или другомъ случаѣ, сдѣлать и правительственнаго фабричнаго инспектора исходнымъ пунктомъ своего развитія.

И для насъ новое правительственное распоряженіе поучительно прежде всего въ томъ отношеніи, что лишний разъ показываетъ, какъ всякій правительственный органъ, не непосредственно приставленный къ охраненію „общественнаго спокойствія“, т. е. не состоящій по министерству внутреннихъ дѣлъ, можетъ стать и становится ферментомъ вызывающимъ политическое броженіе и разлаганіе отношеній въ обществѣ.

Тутъ передъ нами одно изъ безчисленныхъ проявленій полнаго взаимонепризнанія интересовъ самодержавія и интересовъ общественнаго прогресса. Задача самодержавія —

подчинить общественную жизнь — въ цѣляхъ „порядка и спокойствія“ — министерству внутреннихъ дѣлъ. Задача нашей общественной жизни — использовать все, что имѣется подъ руками, въ цѣляхъ „нарушенія общественнаго спокойствія“, — и въ этомъ процессѣ жизнь стремится оторвать каждый органъ, не непосредственно уполномоченный „тащить и не пущать“, и сдѣлать его виновникомъ, обыкновенно невольнымъ и безсознательнымъ, но все же виновникомъ тѣхъ или другихъ общественныхъ „безпокойствъ“.

Земскій врачъ, если онъ съ интересомъ и преданностью относится къ своему дѣлу, неминуемо приходитъ къ переоцѣнкѣ всѣхъ цѣнностей самодержавія съ точки зрѣнія интересовъ народнаго здоровья. Хроническое недѣланіе и острѣе голодовки, какъ одинъ изъ результатовъ „внутренней политики“, порка, какъ одинъ изъ ея методовъ — фатально ведутъ къ физическому вырожденію населенія. И земскому врачу приходится либо превратиться въ полицейскаго агента по медицинскимъ дѣламъ, либо стать однимъ изъ элементовъ оппозиціи. Земскій агрономъ неминуемо приходитъ въ столкновеніе съ мѣропріятіями правительственнаго хищничества, ставящими непреодолимую преграду всякимъ агрономическимъ попыткамъ повысить производительность крестьянскаго хозяйства. Агроному остается признать тщету своихъ культурныхъ усилій при дальнѣйшемъ сохраненіи антикультурнаго института — самодержавія.

Фабричная инспекція — незачѣмъ и говорить, что она не стояла и не могла стоять на стражѣ нуждъ русскаго рабочаго класса: но поскольку она была призвана къ наблюденію за *нормальнымъ ходомъ промышленной жизни*, она приходила и не могла не приходила въ лиці своихъ органовъ въ сравнительно частыя столкновенія съ агентами полицейской власти. Промышленности нуженъ работоспособный, по возможности культурный пролетаріатъ, — самодержавію нуженъ по возможности темный, забитый и запуганный подданный. Вотъ основа неизбѣжныхъ треній, а значитъ и основа для законодательныхъ актовъ въ духѣ подчиненія, ограниченія и согласованія.

Несогласованность органовъ, порождающая потребность въ подобнаго рода мѣрахъ, вызывается, какъ мы видѣли, стихійнымъ стремленіемъ общественнаго процесса оторвать всѣ не-прямо полицейскіе члены правительственнаго механизма и придать имъ сколько-нибудь культурное назначеніе. Такое явно злоумышленное стремленіе является въ свою очередь результатомъ взаимонепризнанія социальной эволюціи и департамента полиции. А въ конечномъ итогѣ несогласованности органовъ и взаимонепризнанія эволюціи и полиціи является необходимость для самодержавія болѣе непосредственно подчинить всѣ жизненныя функции и соответствующіе имъ органы центральной нервной системѣ самодержавія, т. е. министерству внутреннихъ дѣлъ. Такое подчиненіе дѣлаетъ опеку самодержавія еще болѣе невыносимой для социальнаго развитія и тѣмъ самымъ заставляетъ самодержавіе еще упорнѣе подчинять социальное развитіе своей опекѣ.

Но такъ какъ всепредусматривающая централистическая полицейская опека становится технически все менѣе и менѣе возможной вслѣдствіе возрастающей сложности сталкивающихся интересовъ, то самодержавіе вынуждено вплотную подойти къ тому идеалу, который былъ опредѣленъ еще Щедринымъ, какъ *децентрализованная помпадурія*. Идеаль этотъ былъ открыто возвышенъ въ „золотыхъ словахъ“ послѣдняго царскаго манифеста о „крѣпкой мѣстной власти, предъ нами отвѣтственной“.

Дореформенное самодержавіе, цѣльно воплощенное Николаемъ и ранѣе его доведенное до абсурда Павломъ, не знало этихъ противорѣчій. Оно считало себя правоспособнымъ непосредственно полицейскими мѣрами разрѣшать всѣ проблемы и утирать голубымъ обшлагомъ всѣ слезы. При Павлѣ оно стригло и брило подданныхъ по официальному образцу и составляло для нихъ словарь разговорной рѣчи, при Николаѣ оно заботилось о поэтическихъ достоинствахъ балада. Цензура должна была не только подстригать и предостерегать, но и „споспѣшествовать“.

Съ банкротствомъ Николаевщины правительственная тактика мѣняется. Дѣлается широкая попытка отдѣлать чисто полицейскія функции отъ культурныхъ, поручая послѣднія либо органамъ общественнаго самоуправленія и общественной самостоятельности (земства, думы, комитеты грамотности и пр.), либо специальнымъ органамъ и чиновникамъ правительства (например, фабричные инспекторы). Въмѣстѣ съ тѣмъ создаются полицейскія нормы, за которыя дѣятельность культурныхъ органовъ не должна переступать, и которыя, но замыслу законодателя, должны явиться достаточными „гарантиями неприкосновенности“ для принциповъ самодержавія*). Но жизнь сплошь и рядомъ напоблняла эти „нормы“ завѣдомо „тенденциознымъ“ содержаніемъ. Земская статистика, частная помощь голодающимъ, земское продовольственное дѣло учебное дѣло — всѣ эти казались бы скромныя отрасли культурной работы, обольщенные „хитростью“ историческаго „разума“, оказываются сплошь политическими „неблагонадежными“. Даже земскіе болѣзненные умыслы имѣютъ, какъ извѣстно, слегка-якобинскую физиономію. Въ результатѣ — самая скромная „автономія“ культурныхъ органовъ ведетъ за собой систематическій полицейскій походъ противъ земствъ вообще, противъ зем-

*) Очень недавно С.-Петербургскій фабричный инспекторъ въ своемъ секретномъ донесеніи управляющему отдѣломъ промышленности такими выразительными чертами характеризовалъ „политическіе“ взгляды С.-Петербургскаго градоначальника: „Законъ долженъ поставить всѣхъ организаціи въ строго опредѣленные рамки, соответствующіе цѣлямъ каждой, и обратить вниманіе на полную пласность дѣлопроизводства; никомъ же, образомъ, до его мѣсяца, нельзя допустить въ этомъ дѣлѣ руководство какому-либо одному административнаго органа, въ особенности же со стороны департамента полиціи, дѣятельность котораго, въ силу особыхъ условий ея организаціи, всегда можетъ вызывать въ публикѣ вредно-совершенно неадекватныя инсинуаціи“.

скихъ „третьихъ лицъ“ (врачей, статистиковъ, агрономовъ и пр.), въ особенности, противъ частныхъ благотворителей, не заручившихся губернаторскимъ рукопожатіемъ, противъ цѣлаго ряда культурныхъ и благотворительныхъ обществъ, — походъ, ознаменованный такими героическими мѣрами, какъ закрытіе столовыхъ и упраздненіе „статистики“!

Земскіе агрономы отдаются подъ надзоръ урядниковъ. Университетская наука не выходитъ изъ-подъ контроля полицейской инспекціи. Земства и думы превращаются въ придатки губернаторскихъ и градоначальническихъ канцелярій. И наконецъ фабричные инспекторы поступаютъ подъ опеку губернаторовъ. Тѣ самые фабричные инспекторы, которые въ сущности представляютъ лишь отгнѣнокъ общегосударственной полиціи, которые ближе, гораздо ближе, къ кабинету фабриканта и жандармской канцеляріи, чѣмъ къ рабочей квартирѣ, — и они оказываются способными принимать рѣшенія, противныя закону и общественному порядку!..

Это сосредоточенное недонѣріе жандармско-полицейскаго аппарата ко всему, что стоитъ внѣ его, прекрасно иллюстрируется законопроектomъ о фабричныхъ старостахъ, къ которому мы вернемся, когда (если!) онъ станетъ закономъ*). Теперь отмѣтимъ лишь слѣдующую основную черту законопроекта. Не смотря на то, что выборы рабочими старостъ, происходитъ не иначе, какъ въ рамкахъ очерченныхъ фабрично-заводскимъ управленіемъ, и притомъ подъ назойливымъ контролемъ фабричной инспекціи, которая, въ свою очередь поставлена теперь подъ ближайшій контроль губернатора. — законопроектъ включаетъ въ себя такое предусмотрительное „примѣчаніе“: „Губернскому начальству предоставляется въ тѣхъ случаяхъ, когда по дошедшимъ до сего начальства свѣдѣніямъ рабочіе, избранные въ старосты, не удовлетворяютъ своему назначенію (?), устранять ихъ отъ исполненія обязанностей старостъ и до срока, на который они избраны“. Такимъ образомъ уже здѣсь, въ законопроектѣ, полиція вступаетъ въ единоборство съ жизнью, которая уже достаточно зарекомендовала себя со стороны умѣнья обращаться противъ самодержавія учрежденія и установленія, имъ же самимъ вызванныя къ жизни въ цѣляхъ собственнаго огражденія.

Комментаріи освѣдомленнаго „Новаго Времени“, къ „высочайшему повелѣнію“ 30 мая, очень назидательны. Эта газета справедливо считаетъ новое постановленіе „весьма характернымъ для руководящихъ идей настоящаго времени“. Правда, приходится признать, что въ создаваемомъ нынѣ положеніи имѣются „какія-то щекотливыя стороны“: чиновники министерства финансовъ ставятся въ зависимость отъ чиновниковъ министерства внутреннихъ дѣлъ, что неминуемо создастъ бюрократическія „тренія“. Но „если основанія ожидать“, говоритъ газета, что губернаторъ будетъ поставленъ какъ *представитель не одного вѣдомства, а высшей власти вообще*. Каждая губернія превратится въ болѣе или менѣе автономную помпадурію, управляемую твердой рукою губернатора, предъ „Нами“, т. е. передъ министромъ внутреннихъ дѣлъ отвѣтственнаго.

Итакъ, губернаторъ, властной рукою натягивающій на мѣстѣ всѣ „бразды“, переступающій увѣренной ногою всѣ законы и отмѣняющій мимоходомъ распоряженія фабричной инспекціи въ высшихъ интересахъ „общественнаго порядка“, — и тотъ же губернаторъ, получающій изъ центра вѣнчикъ по части своевременности извѣстій евреевъ оцѣта-таки въ высшихъ цѣляхъ „общественнаго порядка“ — таково послѣднее слово практики оглашеннаго самодержавія.

Но не смотря на весь свой поистинѣ адскій характеръ, эта практика обузданія общественной стихіи имѣетъ много общаго съ попытками Диккенсовской героини задержать щеткой волны морского прилива...

О! Конечно, мы знаемъ, что орудія, какими пользуется овѣтрѣвшая русская власть безконечно провѣе жалкой половой щетки. О! Разумѣется, мы помнимъ, что всеобщестительная „щетка“ русскаго самодержавія снабжена острыми же-лезными зубьями, которые — при каждомъ новомъ правительственномъ экспериментѣ — впиликаются въ тѣло, въ живое тѣло русскаго народа... Но мы въ то же время знаемъ, — и въ этомъ залогъ нашей побѣды — что и самой гигантской жандармско-полицейской щеткѣ не дано задержать волны революціоннаго прибоа!

„ЖЕЛѢЗНЫЙ“ СЪѢЗДЪ.

Тупой уголъ — таковъ конечный пунктъ всѣхъ правительственныхъ мѣропріятій послѣдняго времени. Виновата ли въ этомъ „смуа“ или таковъ уже злой рокъ самодержавія, но ему ничего не удастся и всѣмъ своимъ крупными начинаніями оно только себя дискредитируетъ. Стараются въ этой области одинаково всѣ вѣдомства, и почти въ то самое время, когда г. Фонъ-Плесе кипишевскими записками обнаружилъ передъ всѣмъ миромъ банкротство всей внутренней политики самодержавія, г. Витте вадумалось показатъ также несостоятельность своей финансовой политики. Конечно, умыселъ другой тутъ былъ. Но, на бѣду самодержавія, событія не считаются болѣе съ его умыслами и результаты получаются совершенно противоположные тѣмъ, какіе ожидалъ тотъ или другой его слуга.

Извѣстно, что очень тѣсная дружба соединяла недавно министерство финансовъ съ миромъ крупныхъ заводчиковъ, дружба до того тѣсная, что многие наивные люди дѣлали отсюда какіе-то выводы на счетъ существованія у насъ специфической буржуазной конституціи. Въ это-то блаженное время расцвѣта русской промышленности при благосклонномъ содѣйствіи министерства финансовъ возникло множество всевозможныхъ предпріятій, среди которыхъ было очень много и такихъ, которыя не обладали почти никакимъ собственнымъ капиталомъ и существовали исключительно благодаря кредиту. На заграничныхъ рынкахъ — писалъ въ 1897 году, захлебываясь отъ восторга, официальный органъ министерства финансовъ, — акціи этихъ-заводовъ, приносившихъ огромные дивиденды, отъ которыхъ давно отвыкли отчужденные капиталисты, стояли такъ высоко, что достаточно было прибавить къ названію фирмы „дегшировскій“ или „донецкій“ и т. п., чтобы получить огромныя суммы денегъ.

Газеты сообщаютъ, что этотъ законопроектъ уже прошелъ въ государственномъ советѣ.

... чтобы рассчитывать на... события... за границей. Промышленное настроение проникло во все слои населения: в России, отодвинув в второй план другие интересы. В последние время рост промышленности отстает от десятилетиями, но двумя-тремя годами. За два года юг России положительно изменил свою физиономию в промышленном отношении. Промышленность и торговля России так растут, что ни железные дороги, ни южные порты не успевают удовлетворить все потребности. В особенности фаворит были горнозаводчики. Главным предметом изготовления южно-русских заводов были рельсы и железнодорожные принадлежности. При своем возникновении заводы запасались казенными заказами на несколько лет, а некоторые возникали даже при прямой денежной поддержке казны — частью в виде единовременной ссуды, частью в виде денежной премии с луда выкупаемых рельсов. Заводчики получали огромные барыши, часто 50-70 коп. на пуд рельса. Железные дороги строились не потому, что в них чувствовалась надобность, а потому, что существовали уже ранее казенные заказы. Надо думать, что министр финансов ожидал, что этот капиталистический рай будет продолжаться вечно, и он щедрой рукой раздавал казенные деньги, получившие путем займов за границей. Но точно также само собой понятно, что за этой гонимой горячкой наступил крах, который действовал тем разрушительнее, чем больше было в предыдущий период совершенно дурных предприятий. Сначала пытались отрицать существование общего промышленного кризиса и сваливали всю вину на биржевую спекуляцию (хотя, как мы отчасти видели, министр финансов и его органы не были чужды этой спекуляции), но зима 1899-1900 гг. принесла массу банкротств, приостановку многих производств, резкое падение цен, сильную безработицу, и теперь ни в характере, ни в интенсивности кризиса нельзя было уже сомневаться. Само собою разумеется, что предприниматели не стеснявшиеся выбросить на улицу тысячи голодных рабочих и свалить таким образом на пролетариат ответственность за «риск предприятия», (за какую ответственность, по учению буржуазных экономистов, предприниматели и получают свою долю прибыли), сами несколько не были расстроены платиться за свои грехи и заводы о правительственной поддержке. И правительство, которое за все время кризиса ничего не сделало для тысяч безработных, услышало мольбы нескольких десятков капиталистов и пришло им на помощь. Государственный банк открыл широкий кредит (в несколько миллионов рублей) металлургическим обществам, купил на несколько миллионов облигаций некоторых промышленных заведений и принял ряд мер для поддержания целого ряда предприятий, бывших на шаг от банкротства. Из сберегательных касс тратились огромные суммы на покупки облигаций, которые частными лицами покупались неохотно. Государственный банк оказался простым посредником для перевода денег из карманов платящих налогов в карманы предпринимателей.

Но кризис продолжался слишком долго, и продолжать такую политику оказывалось невозможным. Тогда г. Витте изменил тактику: он был прежде «протекционистом», потому что хотел создать достаточно сильное внутреннее производство, которое могло бы удовлетворять нужды страны; теперь же цель всех его стремлений достигнута, цены упали так низко, что они должны были по плечу русскому потребителю, а промышленникам остается только приспособить свое производство к потребностям страны. Уверения министра, однако, не придавали никакой цены. Если министр действительно стремится к понижению цен, — разсуждали многие, — то почему он не отменить ввозных пошлин, которые во все большей степени видяют на поддержание высоких цен? А горнозаводчики в свою очередь спрашивали себя, каким образом министр надеется достичь понижения цен на пуги, молотки, кровельное железо и т. п., когда, благодаря его заказам, заводы приспособились к изготовлению рельсов, вагонов, паровозов и т. д.? Поэтому, когда на прошлой неделе съезд южных горнопромышленников был предложен обсудить меры к поднятию потребления железа, то они нашли, что лучше всего это можно сделать при помощи все тех же казенных денег и потому ринулись: 1. ходатайствовать о том, чтобы процент по ссудам, выдаваемым государственным банком земствам на покупку железа, был понижен до четырех; чтобы в государственном банке была введена новая операция, учет удостоверений, которыми земства будут выдавать русским заводам в принятии от них на земские склады машин и железа; чтобы срок хранения на станциях железных дорог заводовских изделий, предназначенных в земские склады, был продлен, и 2. учредить «Общество для продажи изделий русских заводов», т. е., попросту говоря, синдикат. Министр финансов как раз в это время вел агитацию (на бумаге) против синдикатов и картелей, но против «Общества для продажи» он ничего не мог иметь, и скоро цены на железо стали кричать. Это, однако, не увеличило сбыта, и заводы продолжали сокращать производство, а заводчики — вопить о казенных заказах.

Тут-то и задумал г. Витте созвать съезд по выработке мероприятий к возможному широкому распространению железа по России во всех его видах. Известно, что горнозаводчики и прежде имели свои собственные заводы, на которых занимались (не без содействия министра финансов) своеобразной организацией производства и сбыта, т. е. сугубой эксплуатацией своих рабочих и потребителей. Но на этот раз на съезде, кроме горнозаводчиков, были приглашены представители земств и городов: представители промышленного капитала противопоставили представителей аграрных интересов. Казалось, что как г. фон-Плесе искал спасения от все более и более грозно наступающего кризиса основ в борьбе рас, так и г. Витте ринулся в трудную минуту ашпелировать к борьбе классов и посягательствам горнозаводчиков противопоставить нужды сельского хозяйства. Но г. Витте остался при печальном интересе: как ни смирились и кроткие земские либералы, они не могли не сказать, что истинный виновник сельскохозяйственных нужд, «экономическая жизнь», — получал г. Витте своих слушателей, — течет волнообразно: за прогрессом идет регресс, и обратно. Слишком повышающее движение металлургической промышленности нарушало равновесие и вызвало временное обратное движение. Кризис этот несколько затянулся. И это, между прочим, объясняется тем, что переход от высоких к низким ценам, к которым больше доступным для населения, только что совершился, и к нему необходимо приспособиться всему производству. Против подобных заявлений протестуют горнозаводчики; по их мнению, не предвидится никаких признаков оживления промышленности, исключая, если будет усиленная постройка железных дорог, развитие отечественного судостроения и если последует несколько урожайных годов. «Паллиативные меры», — говорят они, — не помогут в данном случае, а необходимо оздоровление всего промышленного организма за счет его коры, другими словами, необходимо реальный волевой ала на истинную причину ала, которая состоит в полном несоответствии между производственной способностью заводов и потребительными средствами страны. Господа железнодорожники не вводят в возможность поднятия народного потребление при данных условиях, а потому они требуют увеличения железнодорожного строительства и судостроения. Как люди практические, они не мечтают об изменении условий и хлопотать о правительственной помощи. Если кому-нибудь нужна помощь правительства, так именно бедному, разоренному крестьянству, — возражают представители земств, — полагая, что необходимо прежде всего стремиться к поднятию общаго экономического и образовательного уровня народа; необходимо дать ему техническое образование, доставить дешевый кредит, понизить таможенные пошлины, необходимо... Но все это г. Витте уже высказал недавно от сельско-хозяйственных

каких-то таких мер, правительство предпринять не может, что оно бессильно, что оно накануне банкротства, что собственно логический вывод из всего сказанного, был бы крик — «долгой самодержавие!». Но так как представители социал-демократии на съезде не было, то он и был закрыт без соотвествующих возражений.

ОБЪ АГИТАЦИОННЫХ ЗАДАЧАХ НАШЕЙ ПАРТИИ.

(Письмо в редакцию).

В настоящей заметке я хочу выдвинуть одну сторону в деятельности нашей партии, которая в настоящий момент находится, так сказать, в полном застое. Всякая политическая партия, которая хочет правильно развиваться, должна внимательно прислушиваться к окружающим, должна чутко приспосабливаться к нарождающимся потребностям. Никогда не заставляла на раз принятых приемах борьбы и раз усвоенной тактике, она должна постоянно видоизменять ее сообразно вечно изменяющимся окружающим ее условиям. Мы не думаем, однако, предлагать теперь новых, досел неизвестных, приемов борьбы или какой-либо новой тактики: мы хотим только установить правильное соотношение между всеми признанными уже приемами борьбы, нарушенное за последнее время в тактике нашей партии. Мы изъем перед собою опыт нескольких лет демонстрационного движения. В настоящий момент можно считать законченным агитационный период 1902-1903 гг., достигший у нас, как известно, в майском движении своего кульминационного пункта. Хотя мы не можем еще подвести всестороннего майского движения 1903 г., но главные черты его уже определились. И мы не можем скрыть от себя, что итоги эти не могут не вызвать у нас некоторого разочарования. Смотря по субъективным условиям, у одного это разочарование живее, у другого менее ощутительно. Но будучи искренним и не ослепленным, никто не может отрицать наличия самого разочарования. Бывшими движением последних лет надежды были так велики, что факты последнего агитационного периода, хотя сами по себе и достаточно внушительные, далеко не в состоянии отвечать этим преувеличенным надеждам. Мы говорили о «прологе революции», а это время напряженное все свои усилия самодержавие успешно справилось с нашими организациями. Ни в одном из старых центров рабочего движения, имевших раньше значение в нашей борьбе, в Петербурге, в Москве, Кіеве, Харькове, Одессе не удалось организовать хоть сколько-нибудь внушительной демонстрации за весь агитационный период 1902-1903 гг.

Чем объяснить это явление? Причины его, конечно, сложны и в числе их не малую роль играют пороки организации наших комитетов. Но нельзя же в копей копировать все сползать к недостаткам организации: нужно искать и более глубоких причин наших неудач. А эти более глубокие причины могут заключаться только в недостаточной сознательности рабочих масс: только эта недостаточная сознательность может объяснить нам неуспех наших попыток вызвать широкое демонстрационное движение при отъезде во всем наблюдаемыми широко недовольстве и даже боевом настроении масс. Не можем же мы признать, что полиция, как-бы совершенна она ни была, может успешно справиться с народной массой, ясно сознающей свои задачи и твердо рвущейся к борьбе с врагом. Дел в том, что (за единичными исключениями) все наши демонстрации 1901-1903 гг. не были массовыми демонстрациями в настоящем смысле этого слова. В них, конечно, участвовали и рабочие, и просто городское простонародье, но они составляли незначительное меньшинство демонстрантов; большинство же составляли любопытствующая полусочетствующая публика. Именно с последней, отчасти малосознательной, отчасти политически дробной частью демонстрантов научились теперь справляться полиция. Немногочисленные сознательные и решительные демонстранты оказались изолированными и, следовательно, бессильными. Все наши демонстрации последних лет, за немногими исключениями, были, по красноречивому выражению «Искры», демонстрациями кучки «героев» перед «толпой». «Герои» прохаживались перед «толпой», махали своими знаменами и кричали «долгой самодержавие!». Толпа безмолвствовала. Это не были демонстрации толпы, а в этом — причина их слабости.

Опыт последних лет, нам кажется, повелевает предпринять нам признанную грядущий вывод «Искры»: демонстрация небольшой кучки «героев» перед «толпой» отжила свое время: демонстрация должна стать массовой или из нее не должно быть. Но как сделать демонстрацию массовой, как вовлечь «толпу» в движение и превратить ее в «героев»? «Искра» только намечает ответ на этот вопрос, указывая на пример Ростова, но не высказывает его ясно. Попробуем это сделать. История нашего движения знает только следующие массовые движения: петербургская забастовка 1896 г., майское движение в Риге, Либаве и Харькове в 1898, 1899, 1900 годах. Обуховская оборона 1901 года (май), Ростовское движение 1902 года (ноябрь) и демонстрация 2 марта там же и, может быть, еще майское движение этого года в некоторых глухих углах России. Истинно массовым движением у нас становилось только тогда, когда социал-демократическим организациям удавалось связать общия задачи нашей партии с насущными интересами и нуждами рабочей массы и тем вовлечь ее в борьбу. Первые годы, под влиянием отчасти теории «стадий», стихичное движение оставалось до конца на почве чисто экономической борьбы, мизия, тем не менее, громадное значение в деле политического воспитания массы (так было с петербургской забастовкой 1896 года). Впоследствии стихичное движение стало все больше приобретать политический характер, переходя в открытую борьбу с самодержавием, — в борьбу политическую. Майский праздник пролетариата сыграл в этом отношении крупную роль. Классовый характер майского праздника и, вместе с тем, его всеобщность сделали его отличным орудием для вовлечения широкой рабочей массы в политическую борьбу. С одной стороны, по своим мотивам он понятен всякому неразвитому рабочему, с другой — как демонстрация целого класса, он неизбежно превращается в борьбу политическую: самодержавие может еще мириться с отдельной стачкой на заводе или даже в целом районе, но ни в каком случае не может примириться с общеклассовым праздником пролетариата; оно всегда будет подавлять его грубой силой и тем будет превращать его в политическую демонстрацию даже тогда, когда рабочие этого не хотели бы. Классовая борьба (речь идет о борьбе действительно целого класса) есть всегда борьба политическая. Мы нечего разсуждать здесь о необходимости связи классового движения пролетариата с борьбой политической — это азбука русской социал-демократии, усвоенная ею на заре массового движения. Именно понимание этой необходимой связи профессиональной борьбы рабочих с политической борьбой рабочего класса, сознание, что «профессиональное движение — основа социал-демократического движения» (Каутский — общая программа) создало силу и значение русской социал-демократии. Благодаря этому пониманию, русской социал-демократии удалось пробудить от спячки и вывести на широкую арену политической борьбы русский рабочий класс и тем расшевелить наивший над Россией густой мрак реакции восьмидесятых и начала девяностых годов. Пробуждение к политической жизни рабочего класса вызвало оживление и других слоев русского народа, начиная от студенчества и кончая крестьянством, и в результате — открытая революционная борьба 1901-1903 гг. Это не бывало в России движение, этот открытый вызов самодержавию, всеобщее, казалось, сочувствие демонстрантам вскружило все головы, и наиболее увлекающиеся заговорили уже о «штурме самодержавия» и о «прологе революции». Пора отказать от этого неосновательного и вредного увлечения, пора перестать глядеть на действительность через розовые очки, пора признать сур-

мы съумеем их устранить. Как некогда успехи экономической чисто профессиональной борьбы вскружили головы слабым умам, создав уродливую теорию «стадий» и грубый экономизм «Рабочей Мысли», так теперь первые успехи политической агитации и демонстраций привели если не к заблуждению, то к более или менее полному игнорированию в агитации необходимой классовой основы нашего движения. Дальнейшие успехи на этом пути невозможны без обращения самого серьезного внимания на эту классовую основу. Политическая агитация приняла у нас за последнее время слишком абстрактный характер, слишком мало связывалась с конкретной жизнью и повседневными потребностями рабочей массы. Вследствие этого наша деятельность, понятная преимущественно более сознательным слоям рабочих и мало понятная народным массам, широкой массе необученных рабочих. Наша политическая агитация временами превращается в голую политическую декламацию. Без вовлечения в движение этих низов нельзя создать массового политического движения. Только расширением основания нашего движения, путем пробуждения к самостоятельной жизни народных низов, можно вновь сделать сильной нашу партию. В этой работе нельзя игнорировать профессиональных интересов рабочих и профессиональной борьбы. Мы должны вновь пробудить широкое массовое профессиональное движение, мы должны организовать массовые забастовки и затем превратить это движение в сильную политическую демонстрацию. Единственным образом подобной тактики может служить Ростовское движение прошлого и этого года. В соприкосновении с народными низами мы должны приобрести ту недостающую нам силу, которая даст нам возможность — надбегая, в недалеком будущем — совершить неслучайный, а действительный натиск на самодержавие.

Говоря это, мы вовсе не хотим отказаться от политической агитации, являющейся своим исходным пунктом явления общественной жизни, все равно, имеем ли эти явления непосредственное отношение к экономическим интересам рабочих или нет: это было бы искажением к временам «экономизма», к счастью, уже окончательно пережитым. Мы хотим только установить правильное соотношение между тем и другим влдом агитации. Что мы не преувеличиваем указанный недостаток движения, может показать пример действительности хотя Тифлисского или Бакинского Комитетов. В первом можно еще сказать, что ему мешает недостаток сил после провала последних лет; во втором это сказать нельзя. Между тем, за все время своего существования Бакинский Комитет, как и Тифлиссский за последний год, не выпустил ни одного профессионального листка, не организовал ни одной стачки. (Стачки, конечно, бывали и здесь, но комитет не использовал их для того, чтобы вызвать общее движение бакинского пролетариата и затем превратить такое движение в борьбу политическую. Нам могут сказать, что профессиональной борьбе мешает в настоящее время кризис; но успехи частных забастовок в Баку (у Мирзакекичи, Кочокино, Рысева и Дипли) противоречат этому, а возможность общих забастовок локализуется примером Ростова и Златоуста. К тому же кризис не вечен, и надо быть готовым к другой экономической конъюнктуре. Надо, следовательно, вынести требования для различных профессиональных групп и затем начать агитацию на их почве. Возьмем для примера Бакинский район. Живая там до того несприятельная, она так гнетет рабочего, что не понятно, как рабочие переносят эти условия без протеста. Насколько мы знаем эти условия, платформа для агитации там готова: это установление трех 8-часовых смен вместо двух 12-часовых, а вывод рабочих жилищ из предельно плохих, устройство рабочего городка. Нам кажется, агитация на почве этих требований обеспечит там успех. К тому же такая агитация явится бы лучшим орудием в борьбе с зубатовщиной, широко раскинувшей теперь свои сети перед лицом массового рабочего движения расшатан, как дым, все живые общины зубатовских агентов, вся политика его «сердечного пощения». Мы не боимся в настоящее время возврата к экономизму, мы считаем его окончательно похороненным, мы уверены, что теперь можно использовать всякую массовую забастовку в целях политической агитации. Для указанной цели, нам кажется, необходимо правильно распределить работу между мѣстными и общими организациями. Обще-политическую агитацию должны вести Центральные Комитеты нашей партии и районные союзы, где они существуют; мѣстные комитеты, конечно, тоже будут работать в этом направлении, но они не должны забывать, из-за этого для профессиональной борьбы и использования ее в партийных целях. Для успешного достижения этих двух задач нужно, конечно, усиление центральных организаций, чтобы мѣстные могли затем уделить больше внимания второй задаче. Приведем несколько интересных фактов: перед маем бакинский комитет должен был издать прокламацию о безработице, но мог выпустить только пару сотен листов на гектографе, так как типография была занята майской литературой. Момент был очень удобный, но он утерян. Мы, следовательно, не думаем отказываться от пылких политических демонстраций, видя в них простое приобретение последних годов; там, где возможно, их надо устраивать: майская, например, демонстрация уже пустила корни в рабочей массе и будет очень полезна для всего нашего движения. Но неудача, их не станет поверять нас в упине, если комитеты не будут существовать только для того, чтобы раз в год организовать демонстрацию, если они будут чувствовать, как растут и кричат силы революционной армии в общении с народными низами. И окривев в этой работе, мы — будем ли то через 3, 5 или 10 лет — выступим на штурм самодержавия, на этот раз уже во главе победоносной массы.

От редакции: Печатаем это письмо, чтобы обратить внимание товарищей на действительно важный вопрос и вызвать всестороннее обсуждение его. Автор совершенно правильно считает одним из важнейших недостатков нашего нынешнего движения недостаточность «массового» его характера. Практика последних демонстрационных попыток подтверждает его мысль. В значительной степени прав он и тогда, когда рекомендует более усиленную агитацию на почве чисто-профессиональных нужд, отдельных слоев рабочего класса, как средство расшевелить пассивные элементы рабочей массы. «Экономическая» агитация еще долго будет играть роль такого средства, и «Искра» постоянно указывала на необходимость для социал-демократии не оставлять без внимания профессиональное движение рабочих, издавать брошюры и листки для отдельных профессиональных организаций — и чейки наших будущих свободных (кстати сказать, сильно хромоаущ) за последние годы по сравнению с нашим комитетом следовало бы обратить больше внимания на эту сторону соц.-дем. работы. Не привя наш автор, когда, говоря об агитации на почве «насущных интересов и нужд» рабочих масс, он, повидимому, отождествляет их всецело с «профессиональными», «экономическими» интересами. Столь же «насущными и столь же осязательными для остальных слоев рабочего класса (равно и крестьян) являются интересы рабочих, как граждан, как потребителей, как платящих агитация является зачастую ей слишком абстрактный характер, то больше внимания на все эти явления общественно-политической жизни, которая самым непосредственным образом задвигает сознание политически отсталого населения. А такие явления им-

* Батумский Комитет составляет в этом отношении исключение; не потому ли маленький Батум может себе позволить

юте место и вне сферы профессиональных интересов. То или другое распоряжение городской думы, поведение того или другого полицейского сапрана, тогда или иной случай проявления "классового правосудия" наших судов — все это такие же поводы для плодотворной местной агитации, как и случаи проявления фабричного гнета. Нам кажется, что причины недостаточного успеха агитационной кампании последнего года в этих или иных местах чаще следует искать не столько во игнорировании поводов для "экономической" агитации, а скорее в недостаточной широте рамаха той агитации, которая велась. Лишь в немногих пунктах комитетских прокламаций распространялись в количествах, обеспечивающих их проникновение во все слои рабочей массы: а где это условие было налицо, там зашевелились. Действительно, масса рабочих, хотя бы все выпущенные прокламации носили характер "политический" (пример — те же Баку и Тифлис).

Мы хотели бы сказать несколько слов по поводу отношения автора к майской демонстрации. Мы вполне понимаем, насколько соблазнительна идея приурочить рабочую демонстрацию к дню 1 мая, когда социал-демократия имела возможность синтетически выразить в массовом протестном акте и социалистическую цель движения, и политический, анти-царистский его характер, и связь его с профессиональными нуждами отдельных групп рабочего класса. Революционное значение нашей майской агитации стоит вне сомнений. Не надо, однако, заблуждаться относительно возможности строить всю тактику нашей "уличной" борьбы на подготовке к майским демонстрациям. Социально-революционный характер майского праздника ставит пролетариат в этот день в условия, наиболее неблагоприятные для таких политических действий, ближайшая цель которых — политическое воспитание и обучение организуемых нами масс. Майский праздник есть прежде всего смотр армии труда, а устраивать маневры под перекрестным огнем нарочито мобилизованных и поставленных на страже недремлющих батарей — едва ли целесообразно. "Быстрота и натиск" — необходимое условие для победы, и о них нельзя говорить в применении к тактике нашей революционной армии, когда неприятель заранее знает, к какой дню мы выйдем на улицу, и имеет возможность восторженно подготовиться к сражению. Поэтому, хотя мы и должны быть каждый раз наготове к восполнованию всяким благоприятным условием, чтобы демонстрировать в майские дни, но приурочивать все революционные надежды к этим дням было бы ошибочной тактикой.

К вопросу о демонстрациях и нашей тактике мы еще вернемся в ближайшем будущем. А пока благодарим автора за его содержательное письмо и еще раз выразим надежду, что партия обратит на него все внимание, каково оно заслуживает.

ОТВЕТЪ "РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ".

Письмо в редакцию.

С чувством глубокой боли и стыда видеть "Рев. Россию", как только что начинающая жить революционной жизнью молодежь, вступающую в революционные ряды под определенное фракционное знамя — знамя пролетарского социализма. И "Рев. Росс." опирается на брань; она посвящает целую статью движению среди учащихся средне-учебных заведений, стараясь в конце концов уничтожить "скоростную и самоуверенную" программу Южно-Русской Группы и противопоставляя ей "междофракционную" программу других организаций учащихся. — "Движение молодежи", — говорит "Рев. Россия", — "всегда служило клин: к свету", стремление к развитию, к знанию... это стремление, — по самому существу своему — свободное, выражающееся прежде всего в критическом пересмотре всяких догматов, традиций, которые навязываются конной индивидуальности семей, школ, церквей, окружающей средой. Эта критика, при существующих общественных условиях, неизбежно, сама собой, ведет к выработке социалистически-революционного мировоззрения". В большинстве случаев это бывает действительным так оно и было и указало в своем издании "к свету" о программах, за которое стало стыдно "Рев. России". Но если бы хоть один из социал-революционных мировоззрений в программах этих организаций ("С.-Петербургской" и "Союза молодежи"), на который ссылается "Рев. Россия" для подтверждения своей мысли? Долго искали мы в этих программах заявления подобного мировоззрения и так и не нашли его. В изданиях С.-Петербургской организации мы заметили с нею до времени пользования и одному из ее органов "К свету", мы не нашли ни слова о социализме, о русском рабочем движении... Мы видели в них исключительно стремление "к свету", к самообразованию и самовоспитанию, а о том, что это самообразование и самовоспитание должно послужить наилучшим оружием в борьбе за принципы социализма, — мы не услышали от С.-Петербургской организации ни слова. Но за то мы встретили в ее воззваниях восхваление царя освободителя, зовящего, будто бы, с высот трона нужды русского народа и отвратившего от России потоки крови; о том же, что для славы России необходимо в конце уничтожить этот трон, — С.-Петербургская организация не сказала ни слова. Правда, приведенная "Р. Р." цитата из № 2 "К свету" показывает, что организация эта приняла больше ясно выраженный революционный характер, чем в своих первых изданиях, но и до сих пор она не идет далее идеалов русских либералов, также восхваляющих Александра II. — "Одним из характерных по общности пунктов, являющихся наилучшим стимулом к объединению", — говорит С.-Петербургская организация, — "служит стремление развить среди молодежи дух товарищества и впоследствии связать существующую организацию и кружки во единый всероссийский союз". Ту же цель преследует, очевидно, и "Союз Молодежи". Но и для чего нужно это объединение? Оказывается, что это необходимо для борьбы за академическую свободу! — "Совещание, образовавшее Союз", пришло к заключению, что для того, чтобы добиться академической свободы, необходимо организовать учащуюся молодежь еще на гимназической скамье и подготовить ее к правильной, сознательной и планомерной борьбе, — и в виду этого постановило: образованная среди воспитанников средне-учебных заведений особую организацию, которая занялась бы подготовкой молодежи к предстоящей ей борьбе за свои права". Так как совещание не считает возможным для учащейся молодежи добиться при современном казенно-полицейском устройстве России каких-нибудь крупных уступок своими собственными силами, то, поэтому, постановило: оказывать действующим в России партиям посильное содействие деньгами и подготовкой учащейся молодежи к революционной деятельности, и потому совещание поручило Центральному Комитету "Союза" завязать сношения с революционными партиями в России. — Можно ли найти здесь, повторяем, хотя бы слабую тень социалистически-революционного мировоззрения? "Союз Молодежи" не считает своей задачей пропаганду среди учащихся социалистических принципов, — он готовит из нее борцов не за политическую свободу, за права народа; он считает достаточным подготовить молодежь к борьбе за академическую свободу, за "свои права". Итак, имеют ли эти организации хоть какую-нибудь социалистическую окраску, если даже с самодержавием он только потому готовится бороться, что его падение принесет им академическую свободу? — Необходимо ли и возможно ли при таких условиях объединение всех организаций учащейся молодежи в России? Существуют ли у организаций учащихся средних школ, как таковых, такое "общее дело", чтобы в его интересах нужно было бы их безусловное объединение, несмотря на все программные разногласия? Мы понимаем еще, что такое "общее дело" — *улица* может найтись у студенчества (забастовки, демонстрации). Но какое "общее дело" может быть у учащихся средних школ, как таковых? Не "актив-

ная-ли борьба с учебным режимом", не объединенный ли протест против "невыносимо-душной обстановки нашего просвещения"? Но, ведь сам "Союз Молодежи" признавал, что мы не добьемся ничего собственными силами... Или это "общее дело" есть подготовка к "общему делу" студенчества? Но не все организации удовлетворятся таким делом. — "Союз Молодежи" распустит свои организации, лишь только русский рабочий класс завоеует ему академическую свободу; то же следует, пожалуй, и "С.-Петербургской Организации", когда дома с заколоченными дверями и окнами превратятся в свободные школы; — наша же группа и "Харьковский Союз" говорят молодежи, что при низвержении самодержавия не прекратится борьба за торжество "социально-революционного мировоззрения", — наша группа и "Харьковский Союз" — это зародыш будущей, молодой гвардии "социальной революции". Мы готовимся и готовим своих товарищей к борьбе в рядах рабочего класса. Вот что отличает нас от других организаций учащихся средн. школ... Мы не можем достичь чего-нибудь собственными силами и потому мы оказываем посильное содействие деньгами и подготовкой учащейся молодежи к революционной деятельности", — но не всем без разбора революционным партиям, как "Союз Молодежи", а только той, которая борется за освобождение того класса, в рядах которого мы стремимся работать. И как первый студенческий съезд, мы примкнули к социал-демократии именно потому, что под ее знаменем борется русский рабочий класс, потому что из всех русских революционных партий только она есть партия революционного пролетариата. И "Р. Р." ошибается, полагая, что при выработке нашей программы, мы не отнеслись "сознательно и критически-продуманно и к ее социально-политическому программ". Мы познакомились с отношением ее к рабочему классу, — детально познакомились с ее "аграрной" программой, несмотря на всю свою сбивчивость и запутанность достаточно ясно указавшей на мелко-буржуазный характер ее стремлений. — мы сравнили деятельность Донского Комитета Р. С. Д. Р. П. с деятельностью Качура, как члена "Боевой Организации", и решили примкнуть к партии пролетариата, — к русской социал-демократии.

Но "Рев. Россия" вообще не может представить себе "организации учащихся, выработавшую себе определенную партийную политическую программу". Несомненно, говорит она, руководители этих организаций могут внушить последним ту или иную партийную окраску, но замечательна эта окраска самостоятельно-выработанное мировоззрение, основанное на знакомстве со всеми основными течениями общественной мысли, это возмущение, по меньшей мере, сомнительно. Из этой цитаты легко видеть, как "Рев. Россия", вслепая за Киевским Центральным Отд. никак не хочет понять нашей точки зрения о пропаганде социалистических принципов, не переставая сравнивать "самостоятельно-выработанное мировоззрение" с какой-то вредной "окраской". Пропаганда, подобная террористической борьбе, последователи "Рев. России" знакомы, конечно, рабочих с мнением противников террора, но они ведь оставляют за собой право утверждать истинность своего убеждения, — о том, что только к "Боевой Организации" — спасение русских рабочих. Если социал-демократическая организация приступает к пропаганде идеи пролетарского социализма, — то она может одинаково безпристрастно знакомить рабочих со всеми течениями общественной мысли, начиная с доисторических времен и кончая новейшим социализмом, т. е. социализмом (?) революционеров, — но отстаивать истинность только социал-демократического учения. И никто не стесняется на нее за сужение умственного кругозора рабочего. Но, когда отдельные организации, состоящие из учащихся, выходящих по своему развитию, с точки зрения сложившихся мировоззрений, начинают вести пропаганду идей пролетарского социализма, тогда начинается рассуждение о "самостоятельном определении путей саморазвития", об "умственном рабстве" и пр., которыми занималось уже Киевское Центральное Отд., поддержанное теперь "Рев. Россией". Глубоко убежденные в истинности революционного социализма, мы, как и "Рев. Россия", зовем учащуюся молодежь к "ознакомлению со всей полнотой научной и общественной мысли", но мы оставляем за собой право указать молодежи, где во всех этих научных и общественных учениях плесканы и где — ишеница, где она действительно, найдет научное обоснование пролетарского социализма, а где — только промкля и красивые фразы.

Между прочим, "Рев. Россия" не преминула бросить тень на "программу" нашей Группы, указавши на то, что в своем воззвании "К свету" мы будто бы только и делаем, что цитируем издания социал-демократическое "фракции". С своей стороны, укажем "Рев. Россия", что лучше выражает свое самостоятельно-выработанное мнение *правильными* цитатами из "Искры", чем подливать свою колеблющуюся программу *неправильными* цитатами из Маркса и Энгельса или ушатать свои статьи заведомо-неверными цитатами из журналов семидесятых годов (статья о "Чигиринском деле"), как это делают гг. социалист-революционеры.

20. V. 1903

Центральный Комитет

Южно-Русской Группы Учащихся Средн. Школ. Р. С. Кстат, еще несколько слов о новой организации учащихся. — о "Союзе Молодежи". "Рев. Россия" утверждает, что он образовался на съезде представителей средне-учебных заведений. До сих пор мы не получили ни от "С.-Петербургской Организации", ни от "Харьковского Союза", ни от Киевского Центр. Отд., с которыми мы поддерживаем сношения, — никакого извещения об этом съезде. Кроме того, с самого февраля месяца ни мы, ни "Харьковский Союз" не получили приглашения вступить в организацию этого "Союза Молодежи", несмотря на то, что найти нас не так-то трудно. Где же обрести этот "Союз", от каких это средне-учебных заведений были представители на его съезде и с каким это несуществующим "секретариатом Студенческого Союза" собирается вступать "Союз" в федеративные сношения? Не развлеклись ли нам это "Рев. Россия"?

ЗУБАТОВЦЫ ВЪ ПОДПОЛЬНОЙ ПЕЧАТИ.

Если бы кто-нибудь предсказал Николаю I те мѣры, какими правительство его правнука будетъ отстаивать устои Российской Державы, непреклонный прадѣл несомнѣнно отравился бы еще до Севастопольскаго погрома. И было бы отчего!

Правительство Николая I запрещало холоноснаго духа писателямъ расточать подобострастные хвалы мудрости начальства: *власть не нуждается въ одобреніи подданныхъ*. Правительство Николая II содержитъ на народные деньги цѣлый рядъ газетчиковъ и ораторовъ, назначеніе которыхъ хвалятъ и хвалятъ премудрость властей до притупленія перьевъ, до хрипоты въ голосѣ...

Правительство Николая I имѣло силу и власть оставить народные массы безъ печатнаго слова, запрещая дешевыя книги и газеты: способныя, по словамъ графа Уварова, "привести массы въ движеніе".

Правительство Николая II оказывается вынужденнымъ доказывать рабочимъ необходимость "рабочаго движенія". И доказывать — какъ? Посредствомъ *незаконныхъ* произведеній, направленныхъ противъ социализма. У насъ подъ руками одно изъ такихъ произведеній. Издано оно посредствомъ машинки ремингтона. Мѣсто изданія не обозначено, — но, судя по содержанию, — недалеко отъ охраннаго отдѣленія. Подписано — "Группа сознательныхъ рабочихъ". Простая это фальсификація, или къ произведенію дѣйствительно приложила руку тѣ "сознательные рабочіе" зубатовской фабрики, имена которыхъ будутъ записаны исторіей русскаго рабочаго движенія въ главѣ "О предателяхъ", — не все ли равно?

Подпольное произведеніе, защищающее самодержавіе отъ революціонной критики, остается все-таки все-таки глубокимъ знаменіемъ полнаго внутренняго разложенія "устоевъ" Россійской Державы. Основныя положенія теоріи полицейскаго социализма таковы:

Съ возникновеніемъ класса рабочихъ, возникло и рабочее движеніе. Это движеніе возникло естественно, сама собой, какъ борьба противъ народническаго класса, она вытекла изъ склада самой жизни и остановить ее нельзя ничѣмъ: она неизбежна и неустойчива.

Но какъ бороться? Есть путь *эволюціи* и путь *революціи*, путь планомернаго восхожденія и путь фантастическаго скачка. Но путь революціонныхъ скачковъ уже давно скомпрометтировалъ себя въ глазахъ всемирнаго пролетариата. Французскіе рабочіе, напримѣръ, произвели революцію, весь Парижъ залила своей кровью, осиротили свои семьи и добили уличаго правительства, а дальше... дальше: власть перешла къ буржуазіи, и буржуазія сейчасъ-же, для защиты себя отъ "буйныхъ" рабочихъ, кровью которыхъ только что получила власть, издала законъ, согласно которому, если толпа не разсѣется по первому требованію, то вооруженныя власти должны открыть противъ нея огонь. Простой народъ увидѣлъ обманъ революціонеровъ, но было уже поздно.

Ужъ, конечно, не мы, социал-демократы, будемъ защищать французскую буржуазію, которая при помощи ружей заставляла, подчасъ заставляла и теперь рабочихъ расходиться, — но какъ вамъ покажется демагогическая наглость "теоретика" Зубатовскаго, который киваетъ на кровавый эгоизмъ европейскаго буржуазіи, забывавъ о Домбровѣ, о Тихомировѣ, о Кишиневѣ, о Златоустѣ, обо всѣхъ тѣхъ адскихъ дѣланіяхъ русскаго самодержавія, которые вызываютъ чувство ужаса даже у европейскаго буржуазіи!

Итакъ, путь революціи — не путь рабочаго класса. Ему нуженъ *союзъ съ правительствомъ* и съ "общественнымъ мнѣніемъ". Если бы мы не смотрѣли на все сквозь ласты подпольныхъ изданій (не забывайте, читатель, что это говоритъ не подпольное изданіе!), глазами нашихъ самозванныхъ учителей-революционеров, то знали бы, что правительство само идетъ намъ на встрѣчу: мы бы знали и томъ, что въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ рабочіе, станимъ на путь экономическаго движенія разрѣшено уже устраивать союзы, имѣть своихъ представителей и прочее и пр. и пр.

Жаль только, что авторъ забываетъ прибавить, что эти "союзы" состоятъ подъ руководствомъ провокаторовъ, что независимые "представители" рабочихъ немедленно арестовываются, и наконецъ, а это главное, что самый вопросъ о рабочихъ "союзахъ" былъ поставленъ правительствомъ только подъ давлениемъ революціоннаго движенія пролетариата.

Союзъ съ "общественнымъ мнѣніемъ"! Опять таки авторъ не поясняетъ, говорить ли онъ о мнѣніи буржуазіи, которая, какъ мы уже знаемъ, не прочь противопоставить пролетарскимъ требованіямъ ружейный дулъ, или о мнѣніи пролетариата, который, какъ вѣроятно извѣстно автору, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе идетъ за "самозванными учителями-революционерами".

Критика социализма у нашего автора изъ рукъ вонъ плоха. Что касается *раздѣла оскъ*, говоритъ онъ, то это ужъ все въ мудреное дѣло: дома, видите-ли, неодинаковы, земля тоже въ разныхъ мѣстахъ неодинакова, многихъ предметовъ (машинъ, что-ли?) и вовсе "въ всѣхъ не хватитъ". Какъ тутъ дѣлать? Много насилие, много страданій вызвалъ бы такой раздѣлъ, а равенство все равно не было бы: люди болѣе "способные, трудолюбивые, ловкіе" сейчасъ-бы выдѣлились и стали быстро богаче, на счетъ остальныхъ и въ результатѣ получились бы только "перемѣненіе" богатствъ отъ однихъ къ другимъ.

Эхъ, г. Зубатовъ, надо бы поискать болѣе приличнаго теоретика! Кто же въ наши дни, когда всюду и вездѣ распространены социал-демократическія изданія, не знаетъ, что социализмъ не означаетъ *раздѣла земли и фабрикъ*, что только мелко-буржуазные демократы выдыхаютъ объ "уравнительномъ" распределеніи земли? Социал-демократія требуетъ перехода *всѣхъ средствъ произвоства* въ общественную собственность. Такой переходъ, уничтожая *товарное хозяйство*, тѣмъ самымъ положитъ раздѣлъ на всегда концы, обогативъ однихъ на счетъ другихъ. Нѣтъ нѣтъ, совсѣмъ не достаточно служить въ охранномъ отдѣленіи, чтобы "разнести" социализмъ по кускамъ!

Подпольно-полудейское проявленіе заканчивается такой фразой: "Не вѣрте, братья, что безъ труда можно чего-нибудь добиться, что съ перестройкой правительства вдругъ станетъ вѣсьмъ хорошо жить. — это гнусный обманъ, которымъ хотятъ только завлечь насъ, чтобы воспользоваться нашей силой..." Мы, социал-демократы, прекрасно вооружены противъ такой демагогіи. Мы не устаемъ повторять массамъ, что съ перестройкой правительства далеко не "вдругъ" станетъ вѣсьмъ хорошо жить. Мы не устаемъ твердить, что для насъ политическая свобода значитъ *свобода дальнѣйшей революціонной пролетарской борьбы за социализмъ*. Мы не устаемъ работать надъ созданіемъ самостоятельной пролетарской партіи, которая и въ моментъ грядущей "буржуазной" революціи сумѣетъ отстаивать пролетарскіе интересы отъ либерально-независимыхъ и буржуазно-демократическихъ посягательствъ. И вотъ почему, между прочимъ, и въ борьбѣ съ зубатовской демагогіей, социал-демократія должна рѣзко отдѣлать себя отъ революціонеровъ, склонныхъ къ буржуазно-демократической демагогіи, отъ революціонеровъ способныхъ говорить массамъ, будто "весь секретъ" въ томъ, чтобы "посадить пари на учетъ", будто послѣ низверженія самодержавія наступитъ на Руси "миръ" и "равненіе" (См. популярную "литературу" "Аграрно-социалистической лиги" и "Партіи соц.-рев.").

Да, усердно работаютъ зубатовскіе птенцы надъ развитіемъ рабочаго движенія, въ чистомъ русскомъ духѣ. Этой работѣ пора бы — въ цѣлхъ социал-демократическаго агитациі — подвести кое-какіе итоги. Сколько нибудь полно и обстоятельно это можно сдѣлать только въ формѣ брошюры. — и мы пользуемся случаемъ, чтобы попросить товарищей, живущихъ на мѣстахъ зубатовскаго "творчества", доставить намъ всѣ документы и свѣдѣнія, характеризующіе эту по истинѣ непредвидѣнную полосу нашей внутренней политикі.

Самодержавіе не даетъ мѣста нашей революціонной печати на полномъ воудхѣ. И что-же? Оно само оказывается вынужденнымъ спугнуться къ намъ въ подполье... Милости просимъ, милости просимъ... Тутъ мы впервые померяемся "на равныхъ" правами! — Словомъ противъ слова.

ИЗЪ

НАШЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

СОЦИАЛЬ-ДЕМОКРАТЫ НА СУДѢ.

21 мая состоялось засѣданіе Саратовской судебной палаты по дѣлу о рабочихъ Денисовѣ и Селиверстовѣ, обвинившихся въ распространѣніи майскихъ прокламаций съ призывомъ къ демонстраціи, состоявшейся въ Саратовѣ, 5 мая 1902 г. Третій обвиняемый по тому же дѣлу, рабочій-же Тимашевъ, скрылся до суда. Защита доказывала, что обвиняемые, арестованные при расклевкѣ прокламаций, могутъ быть признаны виновными лишь въ подготовленіи преступнаго дѣянія, а не въ участіи въ немъ, какъ настаивалъ прокуроръ. Судъ большинствомъ пяти голосовъ противъ четырехъ согласился съ прокуроромъ и приговорилъ Денисова къ ссылке въ Сибирь на поселеніе, а Селиверстова — къ 3 1/2 годамъ арестантскихъ работъ. Товарищъ Денисовъ произнесъ на судѣ замѣчательную рѣчь, которую приводимъ полностью.

Господинъ прокуроръ въ своей обвинительной рѣчи указалъ на то, что демонстрація 5 мая была слѣдствіемъ петербургскихъ событій, т. е. казни Балмашева. Повидимому, прокуроръ не знаетъ ни съ рабочимъ движеніемъ, ни съ психологіей массъ. Я самъ рабочій, и мое къ вамъ другое отношеніе къ современному общественному строю сложилось подъ непосредственнымъ влияніемъ окружающей среды. Далекии, но еще яркими образами вставало предо мной печальное прошлое, когда людей мѣняли на собакъ, когда рабочая масса, малѣйшимъ поводомъ сжигала рогами. И я (говорилъ отецъ) рабочіе на гауптвахтѣ, а собаки въ тамъ,

нещадно сбили; случалось, застрелили до смерти. Случалось, что большевиков рабочих прогоняли сивой строй. Рядки человек мог пройти под ударами палок все зеленое солдатское поле; большинство из них, окровавленные, с оторванными кусками мяса, падали на половник пути, падали и умирали.

Так жилось рабочим в доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тот же гнет, все та же бедность, и хотя не сбекут их розгами, не убивают палками, но от этого не легче. Казацкая плетя и солдатская плетя вполне могут замывать розги и штиреты. Экономическое положение трудящихся масс также безотрадно. Живя по России, в Москве или в Баку, и видя, как кутятся рабочие, в подвалах и конурах. Я видел рабочих, когда они, после тяжелого трудового дня, уставшие, возвращались в свои квартиры. Апатичные, вялые, они тушуются с каждым днем, и к пятидесяти годам делятся стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышц и ума, все пропало. Все убил длинный рабочий день, все истощало в еброй, однообразной жизни. От человека ничего не осталось, одна лишь холодная рабочая сила, способная работать и только работать.

Я видел детей этих бедняков: исхудалые, в жалких отрепках, они таили в духотке квартир, в чаду заводской копоти.

Я видел безработных, людей, желающих только работать, потому что не имеют работы, значит не имеют пропитания, не имеют жизни. И тысячи, десятки тысяч рабочих, юноши и старики, женщины и мужчины не имеют жизни, обречены на смерть. И они умирают, медленно для постороннего глаза, голод почти незаметно сводит этих выжженных из трудовой колы рабочих в могилу. Да, такая доля рабочих, темными тучами окутана их жизнь. Эта печальная эпопея трудящегося люда не могла пройти для меня бесследно, она положила свой отпечаток на мое мироощущение, она поставила меня во враждебные отношения к существующему строю, она заставила меня прикинуть к только еще начинающемуся рабочему движению, и я сдвинулся сознательным борцом за дль освобождения рабочего класса. Рабочее движение, носившее в 90-х годах экономический характер, в настоящее время, благодаря кризису, отчасти репрессиям правительства, а главным образом, благодаря большей зрелости рабочих масс, получило политическую окраску. Стачка замедлилась демонстрацией; в одной из таких демонстраций, а именно, бывшей 5 мая в Саратов, я счел нужным принять участие. Я распространил в ночь на 5 мая прокламация, приглашающая всех рабочих и всех тех, кому дороги интересы пролетариата, прийти выразить протест против современного положения вещей.

Демонстрация 5 мая была вместе с тем и майским праздником рабочих, и заключение г. прокурора о казни Балашева, как о причине демонстрации, не вняло. Майские демонстрации бывали и раньше и позже казни. Требуемая, выставленная рабочими, ничуть не мало общего с Балашевым. Террористический способ борьбы и программа партии, из рядов которой вышел Балашев, также чужды рабочему движению. В настоящее время рабочие выходят на улицу не бунтовать, не призывать городское население к оружию, нет! Они демонстрируют, они хотят показать господствующему классу, что долгие терять не могут, что они имеют право на лучшую жизнь. На знаменах, которые были в демонстрации 5 мая, были надписи: "Мы требуем 8-часового рабочего дня!", "Работы безработным!". Почему-то прокурор, в своей обвинительной речи ничуть не упомянул об этих требованиях, а ведь меня, как выразителя интересов русских рабочих, эти требования больше касались, чем другие.

Восьмичасовой рабочий день необходим нам, рабочим, чтобы стать людьми; чтобы, кроме работы, оставалось время и на самообразование и на воспитание детей, чтобы не утомлялись на работе до одурения; чтобы стеречь свои силы не до 30, не до 40 лет, а на всю жизнь, так как только и есть ценное у рабочих. Это их сила: чтобы защитить рабочий класс от вырождения, ибо ненормальный труд истощает организм. Да, защитит, а ведь право самоопределения существует и считается законным правом на всех людях, во всех уголках земного шара.

Надпись, что вы, господа судьи, не будете осуждать, это право и у нас, русских рабочих.

Другое требование было: "Работы безработным". Если первое требование было справедливым, то второе — тем более. Люди, которые своим трудом прокармливают господствующий класс, люди, создавшие и создающие все блага культуры, не имеют, право на пользование этими благами, тем же, которые похищают их, не ссылаясь. И вот, имея это нравственное право, рабочие пока не пользуются им; они пока не говорят: "укажите все похищающие плоды наших трудов". Нет, они заняты только — работ безработным. Дайте работы, которые содержали и содержат прошедшие и настоящие правительства, дворян, фабрикантов, купцов и пр. не трудящихся слоев современного государства! Дайте работы людям, которые создали богатства другим, а сами терпят лишения!

Неужели вы, господа судьи, называете людей, требующих работы, преступниками? Неужели вы осудите их на голую смерть? Это было бы мало того, что несправедливо, но и жестоко, чудовищно жестоко. Требование политической свободы — прибавлением "долгой самодержавия" не есть только требование рабочих. Политическая свобода нужна и средним слоям буржуазии и людям свободных профессий, не говоря уже о миллионах крестьянства.

Но что может называться свободой для них, то вовсе не обязательно послужит свободой и для рабочих. Политическая свобода для рабочих не есть цель, а одно из необходимых условий в дль защиты своих интересов, в дль завоевания лучшего будущего, поэтому исключительно политическое движение не может быть движением рабочих масс.

Я социалдемократ. Считаю, что социалдемократия, и только она одна, является истинной выразительницей интересов пролетариата вообще, и русских рабочих в частности, я считаю долгом следовать ее принципам, поступать согласно ее программам.

Одним из пунктов программы и есть требование политической свободы. Это требование не есть продукт каких-либо теоретических соображений; нет, оно вызвано жизнью. Причина возникновения этого требования так же глубоко лежит в рабочих массах, как глубоко вбдены причины дль русских рабочих социалдемократии.

Самодержавие сдвигает рабочее движение, самодержавие всеми средствами отбрасывает мысли его сердца крупных капиталистов при столкновении их с рабочими. Самодержавие держит рабочих в черном тмле; оно преподносит рабочим только темницы, казачьи плети да солдатские пули; оно наказывает за участие в тайных рабочих союзах, за стачки, за всякий протест, выраженный рабочей массой. Самодержавие сдвигает лучших борцов за рабочее дль в Сибирь, в холодные, бесплодные тундры. Самодержавие стоит препятствием в дль пропаганды социалистических идей, в дль достижения рабочих социалистического строя.

Продолжая социалистическую идею, социалдемократы наделяют, что эта идея, проникнув в народные массы, сдвигает, возмужавшее проведение в жизнь таких реформ, осуществление которых принесет благополучие не только трудящимся классам, но и всему человечеству. Для осуществления социалистических реформ требуется народное правление, ибо реформы и возмужавшее проведение в жизнь таких реформ, осуществление которых принесет благополучие не только трудящимся классам, но и всему человечеству.

Товарищ Денисов, поведомо, не знаком с фактами, доказывающими, что Балашев не вышел из рядов партии социалдемократов, а был социалдемократом. До самого последнего времени Балашев был социалдемократом. От этого, конечно, не является отныне террористическим способом борьбы против самодержавия. Рабочее движение не имеет террористического характера.

можны только тогда, когда народ свои думы и свои желания воплотит в закон, чтобы этот закон пригнать к жизни.

Я участвовал, так или иначе, в дль борьбы за освобождение рабочего класса, считая и считая свое участие правом, таким же правом, как право жить. Я думаю, что иметь право и пропагандировать социалистическую идею, и распространять брошюры и прокламации, и призывать людей на демонстрацию. Это право анжидается на прав дль десятков миллионов людей. Вэковой труд наших предков, будущее наших внуков — все это дает нам право бороться. Это право голодных крестьян, право замученных рабочих.

Право бороться — право человека!

Искра на сямь подсудимых. Арестованные в марте 1902 г. в Кишиневе товарищи Леон и Марин Гольдман, А. Шлойдман, Гриша (фамилия неизвестна) и Корсунская (неб. — рабоче) преданы суду судебной палаты по дль о типографии "Искра", взятый на квартиру у Гольдманов. Типография была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который в Кишиневе жил по паспорту И. Рима, узнал шпиль. Приведенный в участок, Гольдман был узан приставом, как обитатель квартиры в его участке. В квартире была найдена хорошо обставленная типография и 3,000 экз. только что отпечатанной брошюры "Легальные союзы" (и зубатовцах). Л. Гольдман, по ремеслу слесарь, был в 1899 г. арестован в Ниж.Новгород, где служил солдатом, и привлечен по дль литовской социалдемократии в Вильну. Весной 1900 г. он был выслан обратно в полк, но с пути бжжал из-под конвоя и скрылся два года, пока несчастная случайность не предаст его снова в руки жандармов.

Согласно неопровержимым еще нами слухам, дль "Искра" уже разбирался и якобы закончился осуждением Гольдмана и его товарищей на восемь лет каторги.

Подсудимый в роли судьи. В странах свободных государственный деятель, пользующийся вверенной ему властью, совершил бы уголовное наказуемое преступление, должен был бы отвечать за него перед собранием представителей народа. В пораженной России главный и самый злостный виновник кишиневских убийств не только не предан суду за свое преступление, но сам парадирует в роли судьи перед представителями еврейского населения. Г. Плене, "достоинство" принимая еврейскую депутацию, явившуюся просить и искать умиротворения, успокоения и защиты, он, только что избранный английскими Times'ом, как автор извещенного письма к бывшему бессарабскому губернатору, фон-Рабену, нагло разговаривает с евреями об их собственной "винке" в совершившихся событиях. Подсудимый с удивительной развязностью играет роль судьи. Начав с истинно-самодержавным шизмом подбадривать и в то же время осуждать жертвы своего животного таланта.

Ауденция у Плене происходила 11 мая. Г. Гольдштейн, Вриенберг и Кенингман — еврейские буржуазии из Одессы — указали Плене на предельно, конечно, дльподданнического тона на роль кишиневских властей и Крушевана в подготовке и организации погрома, на то дльствие, которое должно возмущать инстинкты гуманности циркуляра Плене, обвиняющий евреев в том, что они выжили и стесняли; они отметили, что "все жпроприетэ мветной администрации за последние годы в отношении еврейской массы — одно дльствие", что в "Бессарабии", "с разрешения казавшая, публикуется приращение к пожертвованию в пользу семейств, промиле, и тут же официально воспрещает печатание воззвания о воспомоществовании тысячам обездоленных и погромленных евреев". Они просили Плене издать новый циркуляр, который показал бы христианскому населению, что правительство намерено заботиться о жизни и имуществе евреев. Они просили, чтобы было произведено расследование о дльствиях кишиневской полиции и чтобы были "обузаны" антисемитская печать, натравливавшая темную массу на евреев. Как будто бы "обузаны" хотя бы и подлой печати можно достигнуть процветания сознания невинных жертв еврейского народа!

Плене в ответ на все эти ходатайства заявляет, что издать новый циркуляр значило бы признать, что первый циркуляр не возмущал надлежащего дльствия. А признав это, власть признала бы как бы свою слабость, что, конечно, само по себе недопустимо.

Г. Плене уверяет, что он очень сочувствует пострадавшим, что они вовсе не враг евреям и намерен облегчить их положение, но тут же переходит к угрозам, смысл которых совершенно ясен и который должны получить самую широкую огласку, дабы каждый знал, как современное русское правительство смотрит на свое отношение к дльм миллионам народа.

"Выпа молодежи, сегодня", сказала министр-убийца, "за последние 20 лет совершенно отбывалась от нашей перкви и семьи: она ошибочно полагает, что Россия — дльхлый организм, который легко разрушить. Пусть она знает, что это — глубокое заблуждение. Россия — молодой, крепкий организм, и если мы иногда испытываем извистный потрясение, как, напр., в данный момент, на юге и юго-западе от разных рабочих союзов, "бунда" и проч., то это временная затруднения, быть может, и сильные, но которые мы одолеем... Если мы убьём, что империалистическое движение в нашей среде не прекратится, не ослабнет, то мы не остановимся и перед крайними мерами, мы будем вынуждены избавиться от нас, и для этого мы, с одной стороны, облегчим для вас, по возможности, эмиграцию, а с другой стороны, закроем для вас школы и, вообще, мы сдвигем условия жизни для нас в России невозможными". Прошу принять это не как угрозу (!), а как указание на то, в каких условия могут поставит себя еврей".

Можно ли не дать понять, что г. Плене принимает на себя полную ответственность за совершенные в Кишиневе грабежи и убийства и что он, обвиняет евреям повторение пассивной роли их личности и вместилищем, если они не перестанут вылезать из своей среды революционеры?

Сдвигать условия жизни евреям "невыносимыми" возможно для г. Плене, тем более возможно, что эти условия уже теперь недвизки от того. Именно невыносимый характер этих условий толкает все растущую часть евреев в ряды революционеров. Усилился гнет, лежащий на евреях, значит — еще сильнее революционизировать их. Не поможет самодержавию и та паника, которую угрозы Плене вызывали и будут вызывать в еврейском "образованном" и необразованном дльстве. Правда, много гнусностей совершил это мещанство много грязных исконных в этом болоте нония политика Плене. Уже теперь, как пишут нам из Кишинева, еврейское "общественное" общество сплоти превращается в добровольных шпильников, думающих услугами жандармской полиции умолить разгневанную власть и предотвратить повторение погромов. Уже в Одессе еврейские лавочники били и истязали еврейских и русских рабочих — революционеров. Подобное поведение еврейской буржуазии только ускорит процесс отделения еврейского пролетариата от нее, оно будет содвигать росту социалдемократического движения среди еврейских рабочих, которые вместе с рабочими русскими станут дльтельно готовиться к тому, чтобы силой отражать всякие попытки правительства убийствами, грабежами и насильем водворять начала самодержавия и "общественного порядка".

Номедия судебного дльствия в Кишиневе. Местный судебный власти не хотли начинать дльствие и никого не арестовывали. Убийцы гуляли на свободе, хвастали своими подвигами и угрожали евреям повторить еще раз погром. Местный судья Давидович в статье, помещенной в "Бессараб", старался доказать, что желая преследовать никого судом, так как индифферентной вины дль быть, а все происшедшее надо считать стихийным явлением природы. Только с прибытием из Одессы прокурора Полана дльствие началось. В несколько

дней было арестовано свыше тысячи человек, так как в нововые не скрывали своего участия в погромах, будучи убеждены, что они честно выполнили приказание начальства. Но как только г. Полан выехал из Кишинева, положение вещей опять изменилось: часть лишь, ведущих дльствие, самолично участвовала в погромах, другие боялись быть слишком усердными, чтобы не вызвать неодобрения со стороны высшего начальства в Петербурге. Поэтому, они принялись тушить дль. Главным дльдатель отказался от вскрытия и посвещения трупоубитых под тем предлогом, что причина смерти неизвестна: Было отдано приказание похоронить убитых как можно скорее. Полиция не давала фотографировать убитых и раненых. (Очевидно, начальство стремилось к тому, чтобы нельзя было найти улики против отдельных лиц и чтобы пришлось приписать все преступление дльствию буйной толпы. Не только отказались исследовать места убийств, но были приняты меры к уничтожению всех следов преступления. Оставшиеся в живых были отданы приказу очистить все жилища от всех следов убийства, и полиция строго слдила за исполнением этого приказа. В дом убитого еврея Хайкевича не ушли все вычистить, так как вся семья, тяжело раненая, находилась в больнице; тем не менее, вдова была приговорена к тюремному заключению на один месяц. Остались только показания свидетелей, но и дль судья постарался не выдавать убийц. Все дльствие было подразделено на части, так что каждый дльдатель вел дль только по преступлениям одного рода: один занимался дльми об убийствах, другой — о ранениях, третий — о грабежах, четвертый — о кражах и т. д. Кроме того, дльствие одного еврея считалось недостаточным и, таким образом, освобождены были многие, виновность которых подтверждала свидетелями. А во многих случаях других свидетелей, кроме евреев, и не могло быть, так как дль проходило в закрытых помещениях. В каком духе ведется дльствие, лучше всего доказывают следующие факты. Главному дльдатель, г. Фрейману, было предложено о двух случаях изнасилования, но он отказался внести это в протокол, говоря: "это мелочи". Это же господин допрашивал раненых в больнице и в протокол дльственно извещал смысл их показаний. Фельдшерница, присутствовавшая при допросе, протестовала самым энергичным образом против подобного дльствия. Господин Фрейман напустился было на нее и хотел ее напугать, но госпожа Перучева (фамилия фельдшерницы) приказала ему убраться, и у дльдателя не хватило храбрости явиться еще раз в больницу для дальнейших допросов и он послал туда заместителя. Многие из участников погрома могли своими показаниями обличить организаторов и потому они на-скоро были освобождены дльдателями, хотя по закону последние не имеют права освобождать обвиняемых без разрешения прокурора.

Чтобы помешать евреям обжаловать эту комедию, администрация посылала тем правами, которая ей дльет положение усиленной охраны, введенное якобы для защиты евреев. Так, два еврея, по фамилии Мунчик, были посажены в тюрьму на один месяц по приказанию временного губернатора г. Устругова, друга Крушевана, за то, что они громко перед толпой евреев говорили на своем жаргоне против дльствия полиции. Даже еврейские врачи, дававшие правдивые показания о тех ужасных изуродованиях, которые они нашли на трупах убитых, подвергались преследованиям и угрозам со стороны администрации. Земский врач Дорошевский, давний корреспондент "Новостей" подробные сведения о характере найденных на ран, должен был оставить службу в земской больнице.

Последствия погрома в Кишиневе. Привожу вам данные из одного частного письма по поводу того, что творилось и творится в Кишиневе. Корреспондент называет настоящее положение дль "продолжением погрома" и объясняет это так: "Это продолжение погрома", т. е. обостренное погромирование еврейских прав евреев, сказавшись, напр., в том, что административные репрессии, направленные, якобы, к успокоению края, обрушиваются странным образом именно на евреев или лишь, ставших на их сторону.

Так, на этих днях исполняющий должность губернатора вице-губернатор Устругов, пользуясь 20 ст. Положения об усиленной охране (какое-то введение по поводу погрома), устраивал что должность земского врача Н. А. Дорошевского, извистного своим гуманным отношением к евреям и пользующагося среди них громадной популярностью. Тут же Устругов, не довольствуясь уже преставленным ему "Под. об. усил. охр." широкими полномочиями, 23 мая, вопреки как пензурному уставу (178 и 180 ст.), так и Положению об охр., отдал приказ о конфискации во всех книжных магазинах и в квартире книгоиздателя Врестона изданных последние брошюры, заключающей в себе исключаемо текст проповедей Иоанна Кропштадтского (речь, а не исхем) и епископа Антония, и разпространенной к продажам одесскими цензурным комитетом. Исполняя этот приказ, городские и околоточные дльцы день обходили все книжные магазины, лары и киоски и отбирали книжку, а также саблями соскабливали со столбов во множестве расклеенные с разрывания той же полицией объявления о выходе этой брошюры. Эта полицейская демонстрация, произведенная почти накануне 25 и 26 мая, когда ожидалось повторение погрома, без сомнения, была понята широкими слоями городского населения, как административное нормирование тех элементарных гуманных мыслей по еврейскому вопросу, какие имются в проповедах И. Кропштадта и епископа Антония.

Изданное с. д. г. в. в. отпования "Положения об усиленной охране" обязательное постановление, согласно которому иметь оружие впредь дозволяется только со специального разрешения губернатора, принимается таким образом, что до сих пор разрешение дается только христианам. В результате — обезоруживается погром погрому именно та часть населения, на которую совершенно было указано нападение.

Полуая "Под. об. усил. охр." и. д. губернатора послал под арест на месяц двух евреев, сильно потерпевших от погрома, которые ршились (громадное большинство не ршилось) дать показания у судебному дльдатель притив полиции (остроумный дльдатель поручает проверку этих показаний той же полиции).

А вот, что дльется за предлами Кишинева: 17 мая на станции Раздольная нкий еврейский юноша сдвизал случайным свидетелем того, как одетый в европейское платье господин (попостдствий оказавшийся Пронным) один из самых богатых людей в Кишиневе, крупный подрячик, казавший денежную помощь "Бессараб", едва ли не самый дльтельный посл Крушевана являющийся в Кишиневе, а по своим связям с рабочим людом, и самый опасный, окруженный почтовыми чиновниками (дль было в почтовом отделе), громко похвастовал последние о причинах кишиневского погрома. По его словам, еврей вызвали озлобление в христианском населении тем, что убили с ритуальными дльми мальчика в Дубосарях 4 и 6 и 7 апреля первые напали на христиан. Возмущенный этой ложью, юноша амьшался в разговор и, в завязавшемся затм спор, заявил, что погром не был вызван нападением евреев, а был заранее кмьто подготовлен, так как до погрома еще были выпущены прокламации, призывавшие христианское население к избению евреев. На возражение Пронна, что это неправда, юноша вызвался прислать тот номер "СПБ. Вд", где сообщалось об указанных прокламациях. После этих слов Пронн немедленно крикнул: "жандармы!", и когда тот пришел, сказал ему, указывая на юношу: "арестуйте этого человека, он общал прислать нам прокламации". И юноша был арестован и затм привлечен к дознанию по 251 ст. Ул. о наказ. (распространение преступ-

*) Как известно, в поддвизшем письме Иоанн Кропштадтский назвал свой протест против кишиневских событий.

неудачно: «стыли; случалось; засыпали до смерти». Стучалось, что большевиков рабочих прогоняли сквозь строй. Рядный человек мог пройти под ударами палок все зеленое солдатское поле; большинство из них, окровавленные, с оторванными кусками мяса, падали на половине пути, падали и умирали.

Так жилось рабочим в доброе старое время, не лучше живется и теперь. Все тот же гнет, все та же бедность, и хотя не слышат их ропоты, не убивают палками, но от этого не легче. Казацкая плеть и солдатская пуля вполне могут замкнуть розги и шпицрутен. Экономическое положение трудящихся масс также безотрадно. Живя по России, в Москве или в Баку, я видел, как ютятся рабочие, в подвалах и конурах. Я видел рабочих, когда они, после тяжелого трудового дня, усталые, возвращались в свои квартиры. Апатичные, вялые, они тушуются с каждым днем, и к пятидесяти годам дряхлеют стариками. Здоровье, бодрость, гибкость мышц и ума, все пропало. Все убил длинный рабочий день, все исчезло в суровой, однообразной жизни. От человека ничего не осталось, одна лишь хладная рабочая сила, способная работать и только работать.

Я видел детей этих бедняков: их отрешенные, они таили в духоту квартир, в копоши.

Я видел безработных, людей, желающих потому что не имеют работы значить не имеют жизни. И тысячи, десятки тысяч старики, женщины и мужчины не имеют; смерть. И они умирают, медленно для полой почти незамеченно сводить этих вышедших вой колы рабочих в могилу. Да, такова наша участь окутана их жизнь. Эта печаль чужаго люда не могла пройти для меня без своей отпечаток на мое мировоззрение, она враждебные отношения к существующему с меня принятую к только еще начинающему, и я сдвинулся сознательным борцом за рабочего класса. Рабочее движение, носившее экономический характер, в настоящее время отчасти репрессиям правительства, а главным образом большей зрелости рабочих масс, скую окраску. Стачка замкнулась демонстрациях демонстраций, а именно, бывшей 5 я счел нужным принять участие. Я распустил 5 мая прокламации, приглашающие их к тем, кому дороги интересы пролетариата, и тест против современного положения вещей. Демонстрация 5 мая была вместе с тем двиком рабочих, и заключение г. прокурора шевя, как о причинах демонстраций, нестратии бывали и раньше и позже казни. Треша рабочими, имеют мало общего с Баристический способ борьбы и программа парторой выпел Балмашев*), также чужды. В настоящее время рабочие выходят на у не призывать городское население к оружию стрируют, они хотят показать господству долгие терпеть не могут, что они имеют жизнь. На знаменах, которые были в; были надписи: «Мы требуем 8-ми часового р. боты безработным». Почему-то прокурор тельной рчи ничуть не упомянул об эти вды меня, как выразителя интересов русс требовании больше касаются, чмз другие.

Восемичасовой рабочий день необходим на стать людьми; чтобы, промж работы, оставал образование и на воспитание детей, чтобы работ до одурения; чтобы сберечь свои 40 лет, а на всю жизнь, так как только рабочих. - это их сила; чтобы защитить, вырождения, ибо непосильный труд истоща, а ведь право самоопашты сущест законным правом на тех языках, но ф ного шара.

Надеемся, что мы, господа судьи, не бу: право и у нас, русских рабочих.

Другое требование было: «Работы безрабое требование было социальное, то втор люди, которые своим трудом прокармлива классы, люди, создавшие и создающие вв б ют большее право на пользование этими б торые пожинают их, не забывши. И вот, ное право, рабочие пока не пользуются им рять: «уйдите вв. пожинающие плоды нашей Оня занимают только - работы безработн рукам, которые содержат и содержат пр правительства, дворян, фабрикантов, купц шиея сию современного государства! Да которые создали богатства другим, а сам

Неужели вы, господа судьи, назовете нв боты, преступниками? Неужели вы осудит смерт? Это было бы мало того, что несп стоко; чудовищно жестоко. Требование по с прибавлении, долой самодержавие! нание рабочих. Политическая свобода нуж буржуазии и людям свободных професс и миллионных крестьянства.

Но что может называться свободой д.1 обязательно послужить свободой и для рабо свобода для рабочих не есть пль, а мых условий вв дль защиты своих пнт воевания лучшего будущего, поэтому исключи движение не может быть движением рабс

Я социалдемократ. Считаю, что социал. она одна, является истинной выразительни тариев вообще, и русских рабочих н. долгие следовать их принципам, пое программ.

Одним из пунктов программы и ес ческой свободы. Это требование не есть теоретических соображений; нет, оно в чина возникновения этого требования таю в рабочих массах, как глубоко виден русских рабочих социалдемократам

Самодержавие сдвливает рабочее дв всеми средствами оттаивает милых его с талистов при столкновении их с рабочи жить рабочих в черном тл; оно пр только темных, казакки плети за солдат зывает за участие в тайных рабочих сою зский протест, выраженный рабочей массой. Самодержавие сы лает, лучших борцов за рабочее дло вв. Сибирь, вв холо дый, безплодный тунары. Самодержавие стоит препятствием вв дль прокламации социалистических идей, вв дль достижения рабочих социалистического строя.

Противдву, социалистический идеи, социалдемократы надв ются, что эти идеи, проникнув вв народные массы, сдвляют возможный проведение вв жизнь таких реформ, осуществле которых принесет благополучие не только трудящимся клас сям, но и всему человечеству. Для осуществления социальных реформ требуется народное управление, но реформы и во з

Товарищ Денисов, повидимому, не знаком с фактами, доказывающими, что Балмашев не вышел из рядов партии социал-демократов, в которой он и сейчас находится. До самого последнего времени Балмашев был социалдемократом. Он этого ко нечеловек, который отбрасывает все, что связано с борьбой за освобождение рабочего движения. Он принадлежит к той категории людей, которые, будучи в партии, не хотят ничего знать о ее программе и идеалах.

можны только тогда, когда народ свои думы и свои желания воплотит в закон; чтобы этот закон применить к жизни. Я участвовал, так или иначе, в дль борьбы за освобождение рабочего класса, считал и считаю свое участие правом, таким же правом, как право жить. Я думаю, что ияю право и пропагандировать социалистические идеи, и распространять брошюры и прокламации, и призывать людей на демонстрацию. Это право зиждется на правв десятков миллионов людей. Выводкой труд наших предков, будущее наших внуков — все это дает нам право бороться. Это право голодных крестьян, право измученных рабочих.

Право бороться — право человека!

Исмира на снамъ подсудимых. Арестованные вв март 1902 г. вв Кишинев товарищи Леонъ и Мария Гольдманъ, А. Шнойманъ, Гриша (фамилия неизвестна) и Корсунская (вс — рабочие) преданы суду судебной палаты по длу о типографии «Искры», ввзтой на квартиру у Гольдманов. Типография была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который вв Кишинев жил по паспорту Ис. Рихана, узнал шпюнь. Приведенный вв

для того, чтобы доказать мысль Рязанова, т. е. что «остаткамъ нтъ мста вв соц.-демократической программ».

И социалдемократы лучше всего поступают, продолжает Рязанов, если предоставив буржуазной демократии везать против остатков докантилистических порядков, будут, с своей стороны, указывать лишь, что гибель их неизбежна там, где капитализм уже стал господствующим способом производства и что при товарном хозяйстве он из источника благосостояния превращается в источник проклятий (стр. 216).

Вв букввдствъ есть своя логика, как и во всем прочемъ. Запомнив только термин ортодоксального марксизма и не будучи в состоянии понять его содержание, Рязанов естественно приходит к таким практическим выводам, которые представляют собою самую злую пародию на марксизм. Мы представим буржуазной демократии воевать против остатков нашего старого порядка, а сами ограничимся лишь указанием на то, что гибель этих остатков неизбежна там, где и проч. Нтъ господнъ Рязанов, если бы мы поступили так, то мы тмъ самым с неопровержимой ясностью показали бы разв на всегда, что правы были народники и субъективисты, обвинявшие марксизм вв вогнзмъ: если бы мы поступили так, то вв этомъ случаъ мы иякомъ предоставили бы буржуазной демократии роль революционного фактора вв современной русской общественной жизни, отведя для самихъ себя лишь жалкую роль кабинетныхъ педантовъ.

А что этотъ случай далеко не единственъ, то видно изъ того, что наше крестьянство — к которому юридически принадлежат также и большинство промышленных рабочих вв своей борьб за лучшие условия существования, до сих пор на каждом шагу наталкивается на тт препятствия, которые созданы существованиемъ «остатковъ» и которые даютъ умному агитатору множество незамысловатыхъ поводовъ для политической агитации. Упуская эти поводы на томъ основании, что вному мыслителю «остатки» могутъ пожалуй, оказаться «начатками», значило бы уподобиться знаменитому метафизику, который, сидя вв ямъ, медлитъ воспользоваться спущенной ему веревкой вв виду того, что она есть лишь «веревка простое», и непременно хотеть знать, нельзя ли, вместо нея, придумать «что-нибудь другое». Если наша партия претендует на честь быть самой энергичной и самой ршительной носительницей революционной идеи, то она обязана ршительнее и энергичнее всехъ другихъ партий бороться с остатками докантилистическихъ отношений. Иначе ея претензия станетъ неосновательной и потому смъшной.

Докантилистический общественный порядок не всегда основывался на закрепощении, — замечает Рязанов. — Никогда не нужно забывать, что, как говорит Маркс, очень удобно быть «либеральным» на счет средних ввков». И вв такой странъ, какъ Россiя, гдъ капитализмъ уже сталъ господствующимъ способомъ производства, намъ нужно уже разрушать всякия легенды о докантилистическихъ порядкахъ (стр. 217).

Что не всякий докантилистический порядокъ основывается на крпостничествъ, это совершенно справедливо. Но вв нашемъ проектъ рчь идетъ о совершенно определенномъ и ввсъм известномъ докантилистическомъ порядкъ, вв основъ которого дйствительно лежало закрепощение трудящейся массы высшимъ сословиямъ, государству или его главамъ. Какъ прикажете называть этотъ порядокъ, если не «порядкомъ, основаннымъ на закрепощении»? Что же касается до удобства быть либеральнымъ на его счетъ, то я не вижу, вв чемъ именно оно заключается. Русский читатель, подв влияниемъ народнической пропаганды, вв течение очень долгого времени склоненъ былъ, наоборотъ, к идеализации нашего докантилистического порядка, — по крайней мрв съ его экономической стороны, — вследствие чего у насъ гораздо легче было «либерализовать» вв его пользу, чмъ противъ него. И хотя капитализмъ вв самомъ дль сталъ у насъ теперь господствующимъ способомъ производства, но, во-первыхъ, это признается еще не ввсми, а, во-вторыхъ, капиталистический способъ производства еще далеко не имеетъ у насъ соответствующей ему правовой надстройки. Между экономией и правомъ у насъ существуетъ теперь глубокое противорчье, устранение котораго должно быть первой великой побдой нашего социалистического движения. А такъ какъ наша правовая надстройка, — вв той мрв, вв какой она противорчтъ требованиямъ современного общества — унаследована нами отъ нашего докантилистического порядка, то мыслящий русский человекъ не можетъ быть слишкомъ «либеральнымъ» на счетъ этого порядка. Смъшно и сравнивать наше отношение к этому порядку с тмъ отношениемъ, вв какомъ находится к «среднимъ ввкамъ» гражданъ современной Западной Европы. Рязановъ и здъ попалъ вв просакъ. Онъ захотъ говорить, какъ Маркс, вв виду такихъ общественныхъ отношений, вв присутствии которыхъ Маркс на- врное выразился бы иначе.

Очень не нравится Рязанову и то, что паризм изображается нами, какъ самый крупный и самый вредный пережитокъ нашего докантилистического порядка. Нашъ критикъ объявляетъ этотъ взгляду плодомъ просвѣтительской историографии, свойственной буржуазной демократии. Исторически наше самодержавие, дй-

еврейские лавочки были и истязали еврейских и русских рабочих — революционеров. Подобное поведение еврейской буржуазии только ускорило процесс отщепления еврейского пролетариата отъ нея, оно будетъ содействовать росту соц.-демократического движения среди еврейских рабочих, которые вместе с рабочими русскими стану дйствительно готовиться к тому, чтобы силой отражать всякия попытки правительства убийствами, грабежомъ и насилиемъ водворить начала самодержавия и «общественного порядка».

Комедия судебного следствия вв Кишинев. Мѣстные судебныя власти не хотѣли начинать слѣдствіе и никого не арестовывали. Убийцы гуляли на свободѣ, хвастали своими подвигами и угрожали евреямъ повторить еще разъ погромъ. Мѣстный слѣдователь Давидовичъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Бессарабскъ», старался доказать, что нельзя преслѣдовать никого «судомъ», такъ какъ индивидуальной вины здѣсь нѣтъ, а все происшедшее надо считать стихійнымъ явленіемъ природы. Только съ прибытіемъ изъ Одессы прокурора Поллана слѣдствіе началось. Вв несколько

дней было арестовано свыше тысячи человекъ, такъ какъ виновные не скрывали своего участія въ погромѣ, будучи убѣждены, что они честно выполнили приказаніе начальства. Но какъ только К. Полланъ выхлалъ изъ Кишинева, положеніе вещей опять измѣнилось: часть лицъ, ведшихъ слѣдствіе, самолично участвовала въ погромѣ, другіе боялись быть слышнымъ усердными, чтобы не вызвать неодобренія со стороны высшаго начальства въ Петербургѣ. Поэтому, они принялись тушить дло. Главнй слѣдователь отказался отъ вскрытія и посщенія труповъ убитыхъ подв тмъ предлогомъ, что причина смерти извѣстна. Было отдано приказаніе похоронить убитыхъ какъ можно скорѣе. Полиція не давала фотографировать убитыхъ и раненныхъ. Очевидно, начальство стремилось къ тому, чтобы нельзя было найти улику противъ отдѣльныхъ лицъ и чтобы пришлось приписать все преступленіе дйствію буйной толпы. Не только отказались изслѣдовать мста убійства, но были приняты мѣры къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ преступленія. Оставшіеся вв живыхъ были отданы приказу очистить всѣ жилища отъ всѣхъ слѣдовъ убійства, и полиція строго слѣдила за исполненіемъ этого приказа. Въ домъ убитаго еврея Успенскаго не пускали ни одного человека.

ствительно, коренится вв прошломъ, — говорить онъ, — но эту судьбу оно дйствъ со многими другими явлениями общественной жизни. Не вв примѣръ другимъ «остаткамъ», оно не пережитокъ, случайное сохранившееся обломкомъ прошлаго. Увы! Оно очень прочно сидитъ вв настоящемъ. И если бы авторы нашего проекта не дѣлили всю исторію на два періода: одинъ докантилистическій, а другой — капиталистическій, они увидѣли бы, какъ сильно измѣнился характеръ нашего самодержавія, ну хотя бы отъ Іоанна III (стр. 220).

Ни вв нашемъ проектѣ, ни вв комментаріяхъ къ нему нтъ ни одной строчки, дающей поводъ думать, что мы приписываемъ русскому самодержавію неизмѣнный характеръ. Мы пруж краснo знаемъ, что этотъ характеръ измѣнялся вмѣстѣ съ ходомъ развитія нашихъ общественныхъ отношеній. Но неоспоримый фактъ такого измѣненія ни мало не иящаетъ нашему самодержавію быть «остаткомъ», «пережиткомъ» прошлаго. Развѣ фигурировать на исторической сценѣ вв качествѣ «пережитковъ» или «остатковъ» могутъ только такія учрежденія, которыя отличаются неизмѣннымъ характеромъ? Это было бы ново! И почему Рязановъ думаетъ, что мы считаемъ самодержавіе случайнымъ сохранившимся обломкомъ прошлаго? Вдъ на эту мысль опять таки нтъ вв тѣни намека ни вв нашемъ проектѣ, ни вв нашихъ комментаріяхъ къ нему. Но таковъ неизмѣнный характеръ главнаго «критическаго» приема Рязанова: онъ заключаетъ вв приписываніи противнику нелѣпостей, никогда не приходившихъ ему вв голову, и вв поблдоносномъ опроверженіи этихъ вымышленныхъ нелѣпостей. Нечего и говорить, что такой приемъ чрезвычайно облегчаетъ Рязанову дло его «критики».

Дальше мы узнаемъ отъ Рязанова ту интересную новость, что наше самодержавіе всегда было орудемъ вв рукахъ того или иного общественнаго класса. Особенно сильныя измѣненія потерпѣло оно вв періодъ отъ конца XVIII вѣка до эпохи великихъ реформъ, когда «народное производствъ... окончательно уступило мсто капитализму на барщинной основѣ». И мы будемъ несравненно ближе къ истинѣ, если скажемъ, что наше самодержавіе вв его современной формѣ есть продуктъ начатковъ капитализма. Исторически преданія того времени, когда оно было орудемъ вв рукахъ однихъ дворянъ, уже давнымъ давно, хоти и «с уюорствомъ» отступаютъ на задній планъ передъ сильными и крѣпкими ростками капитализма. Оно пытается еще сохранить равновѣсје между землевладѣніемъ и буржуазіей, но растущія вв силу развитія капитализма противорчія внутри обихъ его опоръ должны будутъ привести его къ гибели, несмотря на всѣ попытки приспособиться къ измѣнившимся классовой структурѣ (стр. 220).

Итакъ, самодержавіе погибнетъ, потому что оно не вв состоянии приспособиться къ измѣняющейся «классовой структурѣ». Почему же для него недоступно такое приспособленіе? Не потому-ли, что самодержавіе представляетъ собою такое политическое учрежденіе, которое не соответствуетъ капиталистическому обществу, достигшему значительной степени развитія? А если это такъ, то не значитъ-ли это, что самодержавіе есть политическое учрежденіе, являющееся пережиткомъ стараго общественного порядка? Очень на то похоже! Рязановъ и самъ чувствуетъ это, но не сдается. Онъ объявляетъ самодержавіе продуктомъ начатковъ капитализма на томъ основаніи, что оно давно уже перестало быть орудемъ вв рукахъ однихъ только дворянъ и стало служить также и буржуазіи для достиженія ея цѣлей. Но этотъ доводъ былъ бы убѣдительнъ только вв томъ единственномъ случаѣ, если бы Рязановъ доказалъ намъ, что буржуазія никогда не захотѣла бы или не смогла бы обратитъ вв свое орудіе тотъ или другой пережитокъ стараго порядка. А такъ какъ онъ этого не доказалъ и никогда не докажетъ, то вся его аргументація опять разсыпается, какъ карточный домикъ. На самомъ дль всякій новый, восходящий общественный классъ всегда старался, и не безъ успѣха, воспользоваться для своихъ собственныхъ цѣлей учрежденіями, выросшими на почвѣ стараго общественного порядка, и вступалъ вв борьбу съ этими учрежденіями только тогда, когда, при ихъ помощи, достигалъ уже известной степени развитія. Такъ, напр., было время, когда буржуазія старалась обратитъ феодальныя учрежденія вв орудіе для достиженія своихъ цѣлей. Но заключать отсюда, что эти учрежденія были продуктомъ «начатковъ» буржуазнаго развитія, можетъ только человекъ, не умѣющий «приспособиться» къ самымъ элементарнымъ требованиямъ логики.

Очень не нравится Рязанову также и та наша мысль, что самодержавіе по самой природѣ своей враждебно всякому общественному движению.

«Откуда эта демократическая мудрость попала вв соц.-дем. программу? грозно выкрикиваетъ Рязановъ. «Неужели составители проекта не знали, что самодержавіе по самой своей природѣ враждебно не всякому общественному движению; а только опредѣленнымъ, не общественнымъ движениемъ всякаго класса, а только опредѣленнымъ?» (стр. 222).

Мы уже слышали отъ Рязанова, что наше самодержавіе всегда было орудемъ вв рукахъ того или другого общественнаго класса. Если это такъ, то ясно, что и вв царствованіе Николая

его словили, еврей вызвали олобленіе вв Христіанскомъ населеніи тмъ, что убили съ ритуальными цѣлями мальчика въ Дубосаряхъ, а 6 и 7 апрѣля первые напали на христіанъ. Возмущенный этой ложью, юноша вмѣшался къ разговору и, вв завязавшемся затѣмъ спорѣ, заявилъ, что погромъ не былъ вызванъ нападеніемъ евреевъ, а былъ заранее кѣмъ-то подготовленъ, такъ какъ до погрома еще были выпущены прокламации, призывавшія христіанское населеніе къ избиенію евреевъ. На возраженія Пронина, что это неправда, юноша вызвался прислать тотъ номеръ «СПБ. Вѣдъ», гдѣ сообщалось объ указанныхъ прокламацияхъ. Послѣ этихъ словъ Пронинъ немедленно крикнулъ: «жандармъ!», и когда тотъ пришелъ, сказалъ ему, указывая на юношу: «арестуйте этого человека, онъ обѣщалъ прислать намъ прокламации». И юноша былъ арестованъ и затѣмъ привлеченъ къ дознанію по 251 ст. Ул. о наказ. (распространеніе преступ- *) Какъ извѣстно, вв послѣднемъ письмѣ Іоаннъ Кронштадскій, ввзавъ свой протестъ противъ кишиневскихъ событій,

ных сочинений). В прокуратуре говорят, что дело об этом юноше будет прекращено, но не характерно ли, что из двух собеседников по поводу погрома арестовывается именно тот, кто говорит в защиту евреев?

Как самодержавие готовится к уличным сражениям.

Нам доставлен весьма интересный секретный циркуляр Клейгельса, датированный 1 мая сего года. Рекомендуем всем товарищам внимательно ознакомиться с его содержанием. Секретно.

Распоряжения для предупреждения и пресечения уличных беспорядков.

(К 1 мая и к 200-летию С.-Петербурга).

1. Предлагаю чинам полиции всякие скопления публики разбивать, прилагая расхоты, ссылаясь на мое Обязательное Постановление от 8 марта.

Неподчиняющихся — задерживать и привлекать к ответственности.

Павловича быть такой общественной класс, который умел сделать свое оружие из неограниченной царской власти. Мы не будем вступать в препирательства с Рязановым по вопросу о том, какому именно классу служило тогда самодержавие: для нас довольно того, что оно непременно должно было служить одному или нескольким из них, если только втрена наша перья посылка. Исходя из этого убеждения, мы просим Рязанова указать нам, какому определенному движению какого определенного класса не было враждебно правительство царя-фельдфебеля? Откровенно признаемся, что мы такого движения не знаем.

Чем больше я, по долгу службы, вчитываюсь в книгу Рязанова, тем чаще мне вспоминается восклицание, вырвавшееся однажды у Энгельса по адресу некоторых критиков исторического материализма: диалектики недостает этим господам! Рязанову, как я уже говорил, недостает именно диалектики. Он — прирожденный метафизик. А когда метафизик пускается теоретизировать, ничего хорошего ожидать невозможно. У метафизика — как у нигилиста в изображении гр. Толстого — и движения уловаты, и учение дубоватое. А Рязанов выдает нам свое дубоватое учение за самую ортодоксальную ортодоксию. Это ли не потеха!

Но еще более уловатым и дубоватым оказывается наш метафизик в критике нашей аграрной программы.

Товарищ Ленин в своей статье об аграрной программе русского социал-демократизма замечает, что там, где дело касается движения промышленных рабочих, мы многое возьмем готовым у немцев, а в аграрной области нам, может быть, удастся выработать нечто новое. Едва Рязанов прочитал эти главы, у него, как говорится, уши оказались на макушке: "Гм! Новое! Стало быть, такого чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса. А то, чего не было в сочинениях Маркса и Энгельса, не может быть ортодоксально. Значит, Ленин еретик, и его надо третировать, как такового". Но еще более разгорелась ортодоксальная ревность Рязанова, когда он услышал от Ленина, что в аграрной области не все, справедливое, на Западе, справедливо на Востоке. По этому поводу Рязанов разразился следующей ехидной тирадой:

"Это новое" состоит в открытии, что "все на свете имеет две стороны". Если на Западе аграрная программа, ставшая себе целью, умножить мелкое хозяйство и мелкую собственность, является нарушением принципов социал-демократии, то на Востоке мы имеем исключительный пример. Мы поддерживаем и умножаем мелкую собственность в интересах устранения остатков крепостного порядка и свободного развития классовой борьбы в деревне, иными словами в интересах развития сельско-хозяйственного капитализма" (стр. 247).

С точки зрения диалектического материализма все на свете действительно имеет две стороны. Данный принцип, важный для применения в одной стране или к одному времени, имеет очень много шансов оказаться ложным в применении к другой стране или к другой эпохе. Но метафизик этого не понимает и потому он от удивления широко раскрывает рот, когда слышит, что принцип, признанный верным при одних условиях места и времени, объявляется неправильным при других. Он видит в этом непоследовательность, противоречие, измышлу. Метафизик не мало крови испортил великим основателям научного социализма. С метафизиком везет войну, между прочим, "Манифест Коммунистической Партии". Читатель помнит, вероятно, то его место, где говорится о немецких философских, философских и полуполитических, с жаждой набросившихся на французскую социалистическую литературу и забывших лишь то, "что французские отношения не были перенесены в Германию вместе с социалистической литературой. Эти любознательные, философы и полуполитики были чистокровными метафизиками. Авторы "Манифеста" не могли простить им забвения того, что французская социалистическая критика, неразрывным отголоском которой они явились, имеет в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическими отношениями и политической организацией, т. е. именно те общественные условия, о завоевания которых только еще шла речь в Германии". Столь же чистокровным метафизиком является и Рязанов, указывающий, для нашего посрамления, на западно-европейских марксистов, не желающих "умножать мелкую собственность". Рязанов забывает, что аграрные взгляды этих марксистов, неразумным отголоском которых он является, имеют в виду современное буржуазное общество с соответствующими ему экономическим и правовым положениями крестьянина, т. е. именно те условия, о завоевания которых только еще идет речь в нашей аграрной программе. Когда наш крестьянин окажется в том же положении, в каком находится теперь крестьянин Западной Европы, тогда мы тоже будем рьятельно возставать против всяких попыток "умножать" частную собственность. А теперь, пока наш крестьянин находится в других условиях, примиря западно-европейских марксистов не может быть для нас убедительным: находись в иных общественных условиях, мы

после 13 марта приемам, молодецкой расправы с бунтовщиками; солдатам было роздано по 15 боевых патронов.

Винком этой своеобразной пропаганды пролетарского праздника явилось названное выше обязательное постановление. Наступил роковой день. Солдаты, шпIONS, полиция и жандармы были наготове. Здание Государственного банка, дом губернатора и пр. охранялись городскими в полном вооружении. В с. слободы (Софроновка, часть города, населенная рабочими) припрятано было, по слухам, несколько десятков казаков. Некоторые обыватели запирали свои дома и закрыли ставни, и целая масса учащихся не явилась на обычные школьные занятия. Демонстрация рабочих оказалась, таким образом, почти излишней, так как прокламация Орг. Ком. и агитация властей сделали свое дело, пробудив громадный интерес к соц.-дем. и рабочему движению среди самых широких слоев местного населения. Все происшедшее очень сильно подвигло на рабочих и в громадной степени приподняло их настроение. Спрос на соц.-дем. литературу сразу и сильно увеличился: просить пост этого "почитать" такие люди, которые раньше ничем не интересовались. На улицах по выражению

по необходимости должны разсуждать иначе. Это не значит, конечно, что мы непременно должны умножать частную собственность. Нет, это тоже зависит от обстоятельств, но, очевидно, что раз речь зашла о частной собственности, мы должны рассматривать особенности нашего положения, а не довольствоваться ничем не доказывающей ссылкой на западно-европейских марксистов.

Каковы же те обстоятельства, по поводу которых заходит речь об умножении нами частной собственности?

Эти обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, некоторое умножение частной собственности крестьян может явиться результатом возвращения им земельных отрезков, т. е. земель, находившихся в их пользовании и отрезанных у них при уничтожении крепостного права.

Во-вторых, значительное умножение частной собственности будет вызвано предоставлением крестьянину права свободно распоряжаться его землей, т. е. разложением современного общинного землевладения.

Остановимся сначала на отрезках. Какое значение имеют они в экономической жизни крестьянина? Они являются источником его заработка. Вот что мы узнаем о них, например, от такого знатока нашей деревенской жизни, каким был А. Н. Энгельгардт.

При надёлении крестьян, лишняя против положения земля была отрезана и этот отрезок, существенно необходимый крестьянам, поступил в чужое владение, стеснял крестьян уже по одному своему положению, т. к. он обыкновенно охватывал их землю узкой полосой и прилагал к ней трем полем, а потому, кула, скотина ни выскочить, непременно попадет на принадлежащую пану землю. Сначала, пока помещики еще не понимали значения отрезков, и там, где крестьяне были поправочные и меня надвинулись на новую волю, они успели приобрести отрезки в собственность, или за деньги, или за какую-нибудь отброску (?), такие теперь сравнительно благоденствуют. Теперь же значение отрезков всё понимается и каждый покупатель имений, каждый арендатор, даже неумный по русски говорить немец, прежде всего смотрит, есть ли отрезки, как они расположены, и насколько затесняются крестьян. У нас повсеместно за отрезки крестьяне обрабатывают помещикам землю — именно работают круги, т. е. на своих лошадях, со своими орудиями, производят, как при крепостном праве, полную обработку во всех трех полях. Отбиваются эти отрезки — часто, в сущности, ничего не стоящие, не по качеству земли, не по производительности их, а лишь потому, насколько они необходимы крестьянам, насколько они их затесняют, насколько можно выжать с крестьян за эти отрезки***).

Вот что значит для крестьян отрезки. Было ли бы выгодно крестьянам их возвращение? Ясно, что, — да. А если — да, то почему нам не поставить его в свою программу? Потому, — отвечают нам наши критики, — что это было бы равносильно поддержанию и умножению частной собственности. А почему вредно поддержание и умножение частной собственности? Потому, что оно задерживает экономическое развитие общества, Других оснований для признания его вредным не имеется. Значит там, где, по тем или иным причинам, оно не задерживало бы, а напротив, ускорило бы экономическое развитие общества, против него возражать невозможно. Но это — именно то, что мы видим в интересующих нас случаях. Все исследователи единогласно признают, что так ярко изображенное А. Н. Энгельгардтом "затеснение" крестьян посредством отрезков очень сильно тормозит успехи сельского хозяйства в России. Поэтому вернуть крестьянам отрезки значит дать новый толчок экономическому развитию нашей страны. А так как экономическое развитие у нас, как и везд, поведет в конце концов к торжеству социализма, т. е. к отмене частной собственности на средства производства, то выходит, что возвращение отрезков подсказывается интересами социалистической революции, и что поддержание и умножение частной собственности в этом случае ускорит переход средств производства в общественную. Стало быть мы не только можем, но обязаны стоять за возвращение крестьянам отрезков. Метафизик такой вывод покажется, конечно, логическим фокусом. Но мы и не надеемся убить метафизиков; мы обращаемся к людям, способным усвоить диалектический метод современного социализма.

Замечу мимоходом, что когда Рязанов приписывает нам намерение "выкупить" все отрезки (стр. 261-265), то он грубо искажает нашу мысль. Мы допускаем выкуп только там, где бывшая помещичья имения перешли в другие руки. Но и здесь выкуп должен совершаться — согласно нашему требованию — не на счет крестьян и не на счет государства, а на счет все тех же помещиков, обладающих на этот предмет

*) Энгельгардт тут не совсем прав: значение отрезков не понимают многие из наших критиков, напр., для С. Рязанова. **) А. Н. Энгельгардт, "Из деревни", стр. 415.

просто обыватели дружно шепчут: "туда ему и дорога", причём, конечно, и те и другие, как маленькие дети, забывают, что если Богданович был "бичами", то заместитель его может оказаться специалистом по части "скорпионов". Как бы там ни было, но одни уфимские дворяне (точнее два-три приживающихся в Уфе пресмыкающихся представителей этой интеллигентно и морально выродившейся породы содержанок правительства) пошли в разрыв с общим настроением, возложив венок на гроб "доблестного героя долга". Даже невозможное издательство самодержавного правительства над лучшими из "первенствующего сословия" не в состоянии изменить этих прирожденных лакеев! Убийство губернатора, конечно, совсем не походит на революцию, которая одна только может вселить в сердца этой публики на место исконной паразитской угодливости "спасительный страх".

Под шум, произведенный "казню" Богдановича, представители всех цехов желтоносовых мастеровских, в количестве 15-20 чел. устроили собрание обсуждения различных вопросов, связанных с организацией. Вообще, настроение рабочих не останавливает желать ничего лучшего. Несколько месяцев

и произвели большую перемену в их отношении к политике, к революции, к движению среди себя, к твердой почве и ни чем не могло. Доказательством этому служат то обнародованные аресты несколько не ослабили, та, напротив, систематическая агитация больше, тем с большей энергией и усердием. Из числа арестованных замочу — Вакон, Минувот, Агвент (работе желтоносовых); Лихачев и Дубинин (инт.) отправлены в административную тюрьму. Администрация держала свое намерение и ни что даже матери некоторых из арестованных не могло заставить их мануть до отправки в тюрьму, и тем не менее, в этот момент по желтоносовым мастеровским гд сидели отбывающие, собралось много разных были очень веселы, переговаривались, слыли знакомыми рабочими и вли "Марсель", пока тронувшийся поезд не скрылся из вида, негелое настроение произвели большое возмущение товарищей.

Сма штат жандармов увеличен здесь очень было 4 офицера и несколько нижних чина, сыска приехал начальник Оdeskского (ратонского) охранного отделения и привез с собою в административную тюрьму и в кавалерийский. Последние под большим секретом и в неслыханное оживление на улицы сон-

ица уже после его смерти от директора де-Полухина получились бумаги, извещающие о том, что в течение 1000 рублей чинам золотоустовской и быстрого подчинения рабочих беспорядков, казенное содержание детей исправника Ключеву прочтеть, этот "дорогой" документ.

Затем в Екатеринбург и на многих зар-ла были распространены листовки соц-е листки О. К. В Екатеринбург они были разбросаны (в количестве свыше 150). Пред-етранения эти листки в Екатеринбург. Ком. Ураль-от от распространения майских листовок, нове потому что они призывают на улицу, кт в настоящее время нежелательно, пред-и распространение (с рук на руки*) пред-и К. среди своих кружковых рабочих, "улитамут" (?), чтобы в Екатеринбург и не разбрасывались. Мотивировать этот, ии, "улитамут", конечно, оставшийся без, что (в виду неконспиративной постановки иика и разброски может привести к про-

ного толков среди рабочих и, во всяком и социал-демократии почку для деятельности, т. на среднем Урале, бывшей монополией, к. Союз соц.-рев. В двадцатых числах и тюрмы выпущены были: Казанков, рабочий ов (мел. рудники в 12 верстах от Ека-голюго), столяр из Верхне-Исетска. В ая одновременно (в 8 час. веч.) были аресты-жна Долгорукова, Кабанова, Клещева, Пиди-жени, К. Стрижева, три брата Швалко (по-Шелконова, из рабочих (говорят, арестованы фамилии только троих: Виткин, Моржаков ст. Макаровой фабрики, Руб-ирики, выданы). Было произведено много, прижая учительница, сестра арестованной, лиников, Шарашов и многие другие рабочие, были разбросаны листки Уральского Союза.

из Уфы. Златоуст, Пермь — только в массовые аресты! Прямо душа болит. И губерния приучается вести революционные дела иротивно лишь после массы арестов и про-рг кишить нахватавшим жандармами и шпо-

Гиги также нахало много, и там скоро жий. К в иллюстрацию того положения, что могут гарантировать справедливости там, этой группой чиновников ст самодержавием лдующий факт. В начале 1901 года в Кавказском во время постановки "Контра-поиску в России вышедшие протесты луч-и за проповедь ненависти и презрения к ена-адзорный Санжурь выразил свой протест и этой пьесе и против публики изданных и, ст. губернатором Никифоровым во главе, и артист-бенефицианту и поднесшей ему в ии донжанами" что-то около сотни рублей, в ст. райка бенефицианту мбаний пятак и театр несколько соответствующих фраз, атили городские, вместе ст жандармами, по-ид, в ожидании демонстрации занявшие в те-вину место, и потащили в полицию, гд и чко часов. Затм был составлен прото-иление к сулу за нарушение порядка во, представления". Санжурь потребовал до-свидетельств губернатора Никифорова и вице-

губернатора Самарова, обставив этот вызов всеми формаль-ностями. Городской судья Веселычиков, слышав в город за либерала, долго не ринулся безоружно начальство и ставить его на одну доску с городскими, шпIONS и губернаторской ку-харкой, вызванными со стороны полицией; наконец, настоячи-ности обвиняемого и отсутствие каких бы то ни было закон-ных поводов к отказу вынудили его послать повестки. По-слать повестки, он увидел об этом Санжуря. Местный помпадур, однако, считая за кровную обиду подчиняться закону и дал такую разную суду, что тот потихоньку вылез по-вестки назад, не пробовал больше тревожить начальство и приговорил Санжуря к 4 дням ареста. Дело это до сих

*) Свидетельство о бедности, выданное себе Екатеринбург. Ком. Уральского Союза, как организация, было, очевидно, справед-ливо. В майских арестах у Союза была арестована декто-графия (во время печатания), mimeограф, красная, отпечатки, лите-ратура и т. д. в различных местах (25 мая).

рандировали, оторвали, повисли и жандармами; говорили, напр., что рабочие будут бить чиновников и "жидов", под-жигать обязательские дома и проч. Кишиневское побоеще, как видно, научно наших захолустных администраторов новы-шам приемам борьбы с крамолой. Накануне первого мая было расклеено за подписью губернатора обязательное поста-новление, напечатанное сходя, собрания, хождение толпами по улицам и, не вызываемые необходимостью остановки, ст. обык-ными угрозами за неисполнение. Тут уж всё поголовно обыватели рбшили, что первого мая действительно произойдет нечто ужасное, и немудрено было рбшить, ибо почва для этого была прекрасно подготовлена самой же администрацией: попы-громили ст. кафедр "стытелей смуты", начальство средних и низших учебных заведений предупредительно сообщила уча-щимся о всемирном празднике рабочих, не советуя и даже прямо запрещая им показываться на улице в день первого мая. Два-три еврея, говорят, обращались ст. губернатору ст. прос-бой о назначении им специальной охраны; офицеры усердно и ст. тайной тайной учили в казармах солдат забытым ими

той был написан "приговор", о существовании которого упорные слухи). Наконец, 21 здесь получена телеграмма ст. просьбой сообщить копии ст. неяс. из Самары и Красноярекс. Из неяс видно, что в Сызрани арестован некто Яков (далее шифром), оказавшийся политическим ссыльным, бывавшим из Красноярска.

Нечего говорить, что все сообщения легальных газет о "сим-патиях" и "охлаждении" Богдановича безусловно ложны. Наоборот, вст об убийстве встречена по вышности всеми крайне равнодушно; на ушко же друг другу "либералы" и даже

*) Перед первым мая престованы два брата Каблукowych (раб. ж.-д. мастеровских) и Тихонов (раб. из чайной развесной Вогану); кроме того, было по несколько обычных и арестов в Катав-Ивановском, Усть-Катавском и Юрюзанских заводах.

*) Это та самая госпожа, для которой "отцы города" не по-жалели 15 тыс. руб. на устройство парка перед ее домом, без-жалостно, однако, оставляя явную в непролазной грязи город-ских улиц плательщиков городских налогов.

„Искра“ на скамьях подсудимых. Арестованные в марте 1902 г. в Кашиневъ товарищи Леонъ и Марія Гольдмайръ, А. Шнойзманъ, Гриша (фамилия неизвестна) и Корусканъ (всѣ — рабочіе) переданы суду судебной палаты по дѣлу о типографіи „Искры“, взятой на квартирѣ у Гольдмановъ. Типографія была открыта случайно, благодаря тому, что Л. Гольдмана, который въ Кашиневѣ жилъ по паспорту Пс. Римана, узналъ шпіонъ. Приведенный въ

особым налогом. Пусть сам читатель судить, насколько так
выкуп был бы похож на „пресловутую выкупную операцию“
с которой сравнивает его наш глубокомысленный, ост-
рый и находчивый Рязанов:

Теперь перейдем к *общим*. Отмена общинного землевладения, без всякого сомнения, была бы равносильна очень значительному поддержанию и умножению частной собственности. Больше того: благодаря ей, многие русские крестьяне впервые приобрели бы землю на частную собственность. Могут ли социалсты согласиться на это, не изменяя своей программы? Мы думаем, что могут; и думая так, мы снова видим себя очень недурной командой. В марте 1880 г. центральный комитет Союза Коммунистов в „Обращении“ (Ansprache) к членам этого Союза. — написанном, очевидно, рукою Маркса, категорически говорил, что *партия пролетариата* меньше всего (am allerwenigsten) должна мстить *ся* *увеличением* *общинной собственности* (Gemeindeeigentum), *которая представляет собой отсталую форму даже сравнительно с современной частной собственностью и которая по своему необходимому разложению в настоящее время.* Умножение частной собственности, являющееся результатом разложения собственности общинной, как видим, совсем не представлялось Марксу явлением способным замедлить движение современного общества к социализму. Да оно и могло представляться ему таковым. Могучий диалектик он! лучше, чѣм кто-нибудь, сознавал справедливость того положения, что все на свете иметь двѣ стороны, и что подожжение и умножение частной собственности, вредное в реакционном буржуазном обществѣ, больше или меньше быстро издѣлается в *встрѣчу социалистической реакціи*, может быть необходимым и полезным мѣрой там, гдѣ рѣчь идетъ объ освобожденіи буржуазнаго общества отъ путъ „старого режима“ и събъ уничтоженіи старыхъ, отсталыхъ и отжившихъ формъ собственности.

Но только что цитированное мною „Обращеніе“ требуетъ также конфискаціи „земель феодалныхъ собственниковъ“, общинныя этихъ земель въ *публичную* *общественную* *собственность* и устройства на нихъ *рабочихъ колоній*. Здѣсь тогдашняя программа Маркса и его единомышленниковъ, повидимому, расходится с нашими проектомъ, а Ризинскій, какъ будто, оказывается насильственно отклоняющимся, потому что его проектъ аграрнаго програ-

Еще марксизм в самом деле может быть назван *аллурой революций*, то программа, вверная духу марксизма, должна быть от начала до конца *революционной программой*. А в волюнтарной программме каждое отдельное требование оценивается из той точки зрения, насколько оно способствует осуществлению этой программы.

есть съ точки зрѣнія, истинно одно единственное дѣло революціоннаго движенія. Если обнаруживается, что данное требованіе, будучи осуществлено, увеличитъ бы силы контрольно-полющенія, то оно должно быть отброшено, несмотря на то, что само по себѣ оно, можетъ быть, и сулило бы нѣкоторыя выгоды революціонному классу. Взглянемъ же съ этой точки зрѣнія на требованіе обращенія земель въ собственность государства.

У насъ въ Россіи государство издавна привыкло разсматривать земли, не принадлежащія такъ называемымъ частнымъ владѣльцамъ, какъ свою собственность. Общинное землевладѣніе крестьянъ означало на самомъ дѣлѣ, что и земля, и принадлежн къ ней крестьяннн принадлежали казнѣ и третиговались примѣнительно къ „казенному интересу“. Вотъ почему на общинное землевладѣніе было самой прочной экономической новой саризма. Чтобы повалить казннзмъ, надо разрушнть

економічну основу, а для цього необхідно поставити кріє-
янина в умови сучасного приватного землевласництва і усту-
дити фактично установившися у нас азіатську форму ю-
дарственної землевласності. Поэтому, всякі проекти націона-
лізації землі или обрабѣння помѣщичьихъ земель въ госуд-

...уже вл. одесск.
...уже вл. одесск.

съ рабочими русскими стануть дѣятельно готовиться къ тому, чтобы силен отразить всякия пощитки правительства убійцами, грабителями и насильею водворять начала самодержавія и „общественнаго порядка“.

Номедіи судебного слѣдствія въ Кишиневѣ. Мѣстный судебныя власти не хотѣли начинать слѣдствіе и никого не арестовывали. Убійцы гуляли на свободѣ, хвастали своими подвѣгами и угрожали Давидовичъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Бессарабіѣ“, старался доказать, что нельзя преслѣдовать никого судомъ, такъ какъ индивидуальной вины здѣсь нѣтъ, а все происшедшее надо считать стихійнымъ явленіемъ природы. Только съ прибытіемъ въ Одессу прокурора Поллана слѣдствіе началось. Въ нѣсколько

й | ственную собственность являются у нас реакционными по сущес-
тву, вопреки своей революционной вышности. И потому Маркс
о- | навѣрно, осудил бы эти проекты, какъ противорѣчащіе основ-
а- | нному требованію предстоящей намъ революціи. Если въ Герма-
ніи онъ рассуждалъ иначе, то вѣдь и условия были тамъ совсѣмъ

Еще два слова. Рязановъ говоритъ, что добиваясь возвращенія крестьянамъ отъѣззовъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ, что остальная земля составляетъ вполне законное достояние помещиковъ. Это какъ двѣ капли воды похоже на разсужденіе анархистовъ, не устающихъ твердить намъ, что, требуя сокращенія рабочаго дня, скажемъ, до восьми часовъ, мы тѣмъ признаемъ справедливость буржуазной эксплуатаціи, не выходящей за восьми часовые предѣлы. На такихъ разсужденіяхъ можно не останавливаться.

Заканчивая теперь мою беседу с Рязановым, я невольно вспоминаю одно замечание Екатерины II. «Не последним и единственною причиной несогласия, — писала однажды галантная императрица, — что некоторые порочать дела других, хотя бы они и полезные были для того только, что не ими сдѣланы, хотя сам однако же их никогда не сильные сдѣлать». Вот так и Рязанов. Мне кажется, что наш проект не нравится ему именно потому, что не им сдѣланъ. А самъ наш строгій критикъ, «силенъ» произвести только неудобоваримую смѣсь изъ очень плохо понятаго вѣя марксизма и, къ сожалѣнію, слишкомъ сильно вѣровавшихъ въ его правоту реакціонно-утопическихъ теорій буржуазныхъ социалстовъ, «революціонеровъ».

Г. Плехановъ.

стигавших послѣднимъ о причинахъ кишиневскаго погрома. его словамъ, евреи вызвали озлобленіе въ христіанскомъ населеніи тѣмъ, что убили съ ритуальныхъ цѣлями мальчика въ Дубосарахъ, а 6 и 7 апрѣля первые напали на христіанъ. Возмущенный этой ложью, юноша вмѣшался въ разговоръ и, въ заявленіишемся затѣвѣ споръ, заявлялъ, что погромы не были вызваны нападеніемъ евреевъ, а были заранее кѣмъ-то подготовлены, такъ какъ до погрома еще были выпущены прокламаціи, призывавшія христіанское населеніе къ избіенію евреевъ. На возраженія Пронія, что это неправда, юноша вызвался прислать тотъ номеръ „СПБ. Вѣд.“, гдѣ сообщалось объ указанныхъ прокламаціяхъ. Послѣ этихъ словъ Пронія немедленно крикнулъ: „жандармъ!“, и когда тотъ пришелъ, сказалъ ему, указывая на юношу: „арестуйте этого человѣка, онъ обѣщалъ прислать намъ прокламаціи“. И юноша былъ арестованъ и затѣмъ привлеченъ къ дознанію по 251 ст. Ул. о наказ. (распространеніе преступ-

*) Какъ извѣстно, въ позднѣйшемъ письмѣ Юаннь-Кронштадскій взялъ назадъ свой протестъ противъ кишиневскихъ событій.

ИЗДАНИЕ ПЕРВОЕ

Изъ Имеретіи и Мингреліи. Прошлагодня движенія гурійскихъ крестьянъ отразились на сосѣднихъ имеретинско-мингрельскихъ крестьянахъ. Последние тоже потребовали пониженія ренты и уничтоженія лишннихъ податей (драмовыхъ денегъ) въ пользу повольна также привлеченія дворянъ къ участию въ отбываніи сельскихъ натуральныхъ повинностей: работы на сельскихъ дорогахъ, несеніе караула при церквѣ и т. п. Требованія крестьянъ забуду ражались дворянъ землевладѣльцевъ и они обратились къ полиціи-скимъ властямъ. Первыхъ заставало Елерское сельское общество. Къ нему присоединились селенія: Кулаша, Ганяря, Цхениши, Чагани, Сачила, Гезати и др. Вскорѣ въ Елери прибылъ уѣздный начальникъ (Дадішкелани) и, послѣ наглой ругани и угрозы по адресу крестьянъ, заарестовалъ 8 чел. изъ нихъ; крестьяне все же не согласились на старыя условія. Затѣмъ съ Насихъ среди крестьянъ въ огромномъ количествѣ были распространены прокламаціи. Съ другой стороны, Дадішкелани послѣ прайданннхъ поощекъ набрался храбрости и приступилъ къ систематическому усмиренію, но встрѣтилъ дружный отпоръ. Разсерженный князь арестовалъ нѣсколько человѣкъ, а одного, осмѣливавшаго возражать, приказалъ проучить нагайками. Ободренные всѣмъ этимъ, двое молодыхъ дворянъ съ оружіемъ въ рукахъ насильно заставляли нѣсколькихъ крестьянъ работать на землѣхъ кн. Микеладе, но какой-то незнакомецъ въ буркѣ явился къ работавшимъ крестьянамъ и потребовалъ отъ нихъ не мѣшать общему дѣлу. Тѣ прекратили работу. Въ ту же ночь была подожжена кухня кн. Микеладе, гдѣ погибли и быки. На слѣдующій день уѣздный начальникъ созвалъ сходку, заарестовалъ нѣсколько лицъ и объявилъ, что убытки отъ пожара въ количествѣ 300 руб. за кухню и 150 руб. за быка, будутъ высканы съ сельчанъ. Крестьяне заволновались и одинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ каждый дворянинъ подожжетъ свою обетшадую кухню, если за это съ крестьянъ будутъ выскывать деньги теро дороже. Разгнѣванный такимъ отвѣтомъ, уѣздный начальникъ приказалъ стражникамъ избить смѣльчака.

человек в сел. Сачидо. На днях ожидается кутаисский губернатор. Дворянские шайоны составили длинный список, «неблагонадежных».

По деревням совершаются поджоги: землевладельцы подвержены побоям. В Сачидо подожгли складочный магазин, кукурузник Диди. Побили дворянина Кордаа. По этому поводу уездный начальник снова заарестовал несколько человек, одного, между прочим, только за то, что тот выписывал газету. Составителям корреспонденции известно, что поджоги и побои совершаются людьми, непринадлежащими к организации. (Изв. Лист. «Пролетариата» № 1, изд. Кавк. Союз. Р. С. С. Д. Р. П.)

СОБЫТИЯ ВЪ ФИНЛЯНДИИ.

Неограниченный провозгласить царя с разрешения царя-батюшки в Финляндии. Его вверные слуги подвизаются здесь во славу самодержавия: они не останавливаются ни перед какими преступлениями, ни перед какими насилиями. В Финляндии уже сказываются различные печальные, хотя и естественные, последствия нового жандармского режима. Часть населения быстро деморализуется: среди финляндцев является уже немало добровольцев, выдающих себя за благородных патриотов, которые призывают своих сограждан к борьбе с беззакониями русского правительства и финляндских извечников. Благодаря доносу, вестном было арестовано несколько агитаторов, разжигавших призываемых к отбыванию воинской повинности преступности нового закона с Куропаткина. Правительственными агентам удалось посредством самого грубого обмана даже соорудить два «красильных» адреса: один с 617, другой с 365 подписями. Последний, доставленный выборскому губернатору Мискофю, является адресом-доносом, в котором указывается много принадлежащих к различным классам лиц, которые «оказывали сопротивление властям» и т. п. Первый же адрес, доставленный Бюрик-кову и обращенный к парии, является выражением «всеподданнических чувств, общей желобой (рвками протестом)» на «сопротивляющихся властям» и ходатайством об улучшении положения безземельных. Этот адрес был вызван одним карьеристом, магистром (кандидатом университета) Нуналд, разказавшим бдлым торпачам (исками арендаторам) неблизким о скорейшем предоставлении надель земель. Этот субъект не постыжился за свои «хлопоты» взять по 1-2 марки от каждого, подписавшего адрес. Подобные люди торжествуют теперь, а еще более ликуют царские опричники, подкупавшие доносчиков и карьеристов. Эти жалкие «адреса» некогда напоминают нам те два грандиозных адреса-протеста с более чем полмиллионом подписей, с которыми все финская нация обращалась к Николаю II в 1899 и 1901 гг.

В Гельсингфорсе 10 июня (нов. ст.) в призывное присутствие явилось из 192 призываемых 267 человек или 38%. В этот день было арестовано в Гельсингфорсе несколько интеллигентных рабочих, распространявших оппозиционное воззвание к новобранцам. Вообще, в этом году призывный присутствие в Финляндии является со значительным успехом, за который обрусители обманывали, главным образом, агитация старо-финноманской партии. К этому вопросу мы скорей вернемся в одной из ближайших статей.

Правительственная анархия и диктаторская власть обер-палача Финляндии Бюрик-кова явились причиной следующего трагического происшествия. 8 июня (нов. ст.) в Берлин астрелился 47-летний от роду д-р философии Ю. Лодю, один из самых видных представителей мало-финноманской партии: он получил надому в этот день известие о том, что ему запрещено возвращение на родину. Д-р Лодю давно уже подвергался гонениям со стороны обрусителей. Еще в начале разбойнического похода опричников на Финляндию была прекращена издаваемая им в Выборге на финском языке демократическая газета. До самой смерти он состоял преподавателем в выборгском реальном лицее в Берлин покойный занимался эту зиму на психологическом институте, готовясь к профессорской деятельности в гельсингфорском университете. Во время его отсутствия из его квартиры были проведены четыре раза обыски. В эти события произошли угнетавшее впечатление на д-ра Лодю, лишившая, наконец, себя жизни. Остатки многих лет были преддательством выборгского рабочего союза. «Финляндская Газета» благодарно упоминала о смерти этого выдающегося финляндского гражданина и патриота.

Кроме упомянутых нами в прошлой статье социалистических демонстраций 1 июня (нов. ст.) в разных городах Финляндии, в этот день происходили рабочие демонстрации в г. Вильх. Тавастусе, Кристиненде и др. Словом, финские рабочие превозмогая отпраздновали свои рабочий праздник. «Фин. Газ.» и об этих даже разрывных демонстрациях не забыла. Вообще, она постоянно преспокойно замыкает всякие неудобные для себя события, часто считая, что она сама небылицы и небывалых вещей.

ХРОНИКА РАБОЧАГО ДВИЖЕНИЯ

ПИСЬМА СЪ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

Николаев. Только что закончилась здесь забастовка на двух крупнейших заводах: «Французском» и Черноморском, охватившая более 500 чел. и замечательная не столько по своим непосредственным экономическим результатам, сколько по обстоятельству, сопутствовавшим ей и по условиям, при которых она происходила. Тут мы встречаемся с редкой стойкостью, выдержанностью и единодушием рабочих, присутствующим на громадных собраниях, на которых произносятся рабочие содержательные речи, широко освещающие значение происходящего, встречаемся, наконец, с небывалым, чисто парламентским отношением к рабочим со стороны предпринимателей и начальствующих лиц, являемых, свидетельствующих, что в рабочих признают силу, с которой приходится считаться.

Перехожу к фактам: 22 мая рабочему Крыжановскому, работавшему в механической мастерской французского судостроительного завода, предложено было получить расчет за прошлый день. Услышав это от табельщика, Крыжановский отправился к инженеру Генкелю, начальнику мастерской, находившемуся тут же в мастерской, за объяснениями. На вопросы Крыжановского Генкель отвечал площадной руганью, а дало дошло до того, что рабочий дал инженеру пощечину. Последний, выхватив из кармана револьвер, погнался за Крыжановским и выстрелил, но промахнулся, а споткнувшись Крыжановский упал. Все это произошло так быстро, что рабочие обратили внимание на Крыжановского лишь тогда, когда тот поднялся и стал возмущаться: «Ах, негодяй! за одну оплеуху — стрелять!» Когда удалившийся из конторы Генкель увидел, что снова Крыжановского ударили и невинно, он опять погнался за ним с револьвером в руках. Но тут ему преградила путь кучка рабочих, которые бросились к нему с криком: «Бей мерзавца, который осмеливается стрелять в своих рабочих!» Боем серьезного оборота дала; Генкель бросился бегать, едва успев юркнуть в контору, как в догонку ему был пушен слесарный молоток. Быстро разнесся слух о случившемся: и вся механическая мастерская, как один человек, бросила работу и отправилась в контору требовать фабричного инспектора, прокурора и градоначальника. Через полчаса здесь были уже товарищи прокурора, судебный следователь, полицеймейстер, градоначальник и др. Вся эта компания, окруженная рабочими, не была услышана выстрелом за страшным грохотом в механической мастерской.

ная густой толпой рабочих, устремившись во дворы завода, где думала приступить к следствию. Вдруг раскрываются ворота, и во двор въезжает фабричный инспектор в сопровождении шести конных городовых. Рабочие заводились и потребовали немедленного удаления полицейских: «здесь не воры, можете убраться туда, откуда явились!» Градоначальник сейчас же велел удалять городовых. Затем, в виду начинавшегося дождя все общество (начальство и рабочие) отправились в столовую, где и началось следствие. Тут на допросы рабочие вскрыли не одну язву, которыми так богаты их жизни. На следующее утро на заводе появились листки за подписью Николаевского Комитета Р. С. С. Д. Р. П. в количестве 900 штук, пригласившие к забастовке и выставившие 14 требований: 1) удаление Генкеля, 2) оставление на заводе Крыжановского, 3) отмены оскорбительных и поносящих человеческое достоинство обысков, 4) отмены штрафов за опоздание, 5) отмены принудительных (путем угрозы расчехом и пр.) сверхурочных работ, 6) отмены принудительного участия в устроенной заводом кассе.

Механическая мастерская не приступила к работам, остальные ждали сигнала, и как только он был дан, на всем заводе работа была прекращена. С этого 23 числа рабочими всего «Французского» завода переживалось в продолжение нескольких дней рабочее восторженное настроение. Они хот и не долги, а все же пользовались свободой собраний. Свободой слова и, пожалуй, свободой печати, так как во дворе завода собирались тысячами рабочие, произносились возмущающие речи, читались во всеуслышание и передавались на глазах у всего начальства сотни листовки. Даже директору, на вопрос, чего рабочие хотят, был преподнесен отпечатанный листок с требованиями. Прибывший градоначальник предложил выбрать постоянных старост, согласно новому закону (о проекте которого сообщалось в газетах) для улаживания «недоразумений». На следующий день, 24 мая, рабочие, воспользовавшись вчерашним предложением градоначальника, решили немедленно приступить к выбору старост (по два от каждой мастерской и по два кандидата с каждой, всего человек 30). Выбранные тут же были представлены всем рабочим и некоторые из них пропано сами перед толпой в три-четыре тысячи человек речи на тему о значении старост при теперешнем нашем политическом режиме, о том, что при отсутствии свободы собраний, слова, печати, союзов, стачек значение их сводится к нулю и при нашем безправии выборы являются только попой ложушкой для более сознательных и правых рабочих. Когда директору были предъявлены перечисленные в листках требования, дополненные рабочими на этот выработанными, он быстро распулировал их на три категории (моральной, экономической и личной) и на которые из них сейчас же объявил дать удовлетворение, насчет других объявил подумать, а об остальных не хотел и слушать, при этом поговорил много слащавых речей на тему о гармонии интересов: он де хлопотал о рабочих, залив в Петербург, кланясь, кланясь, выставлял заказы и вдруг такая благодарность. Рабочие ему отвечали, что им для него то, что он выказывает, они для себя требуют. Узнав о предложении на «Французском» заводе, рабочие Черноморского завода (около 2000 человек) тоже забастовали и предъявили свои требования, у них тоже появились списки на листки, которые в виду наступивших праздников (25, 26, 27 мая) были выпущены 28 мая. Одновременно с этим была выпущена прокламация. Ко всем рабочим (12000 штук), выпущенная значительная и указывающая на то, что успешная борьба за улучшение своего положения и освобождение от ига капитализма возможна только при полной политической свободе. Тут же выставлялись объединенные требования рабочих «Французского» и Черноморского заводов. 27 мая (не работая) в столовой завода было собрание старост с директором во главе. Обращение директора к старостам было, как выразился один, «вклино до нахальства». Тут обсуждалась вся пункти требований, происходил живой обмен мнений. В результате директор согласился на следующие: 1) отмены отбывания 2) по субботам работа до двух часов с получасовым перерывом на завтрак и с платой за этот день, 3) начальникам, мастерам и бригадирам вынестись в обязанность безусловно вклино обращение со всеми рабочими, 4) за сверхурочное рабочее время, в противность установленному порядку, полуторная плата, 5) принудительное вступление в кассу отменяется, а вступившие могут в течение месяца выступить и др. Относительно Генкеля и Крыжановского директор заявил, что они не будут на заводе до суда, но плату будут получать, а там он посмотрит. Совсем неудовлетворенными остались требования: 1) повышение платы на 20%, 2) отменен штрафов за опоздание, 3) сокращение рабочего дня накануне праздников (кроме субботы) до двух часов и в другие дни, 4) больше мелки. Когда в среду 28 мая рабочим «Французского» завода были предъявлены результаты переговоров, они единодушно решили продолжать забастовку; то же на Черноморском заводе. На «Французском» заводе между тем были вывешены громадные печатные афиши, в которых «во вклино недоразумений» директор объявлял о следующих уступках. Такие же афиши были выданы старостам в четверг 29 мая. Перед «Французским» заводом собрались рабочие «Французского» и Черноморского заводов, которые вместе с посторонней публикой составили толпу тысяч в 8 человек. Тут опять горячо обсуждался вопрос о забастовке, рисовались бедствия, которые ждут рабочих при продолжении забастовки, и тем не менее, они твердо стояли на продолжении стачки, и если бы рабочие тут же разошлись, то при подъеме духа, который тут проявился, победа была бы несомненно гораздо полнее. Но тут дало примыло следующую оборот. Рабочие согласились на некоторые уступки, в роде того, чтобы повысить плату во всем рабочим, а так сказать, прогрессивно, обратно пропорционально получаемой плате, получающим же выше 1 р. 50 к. оставить плату без изменения, и некоторые другие. Дальше же этих уступок старостам предписывалось не идти. Директор «Франц.» завода отказался дать что-либо, кроме того, что он уже дал, и директор Черноморского завода даже не принял старост. Тогда старосты, получающие хорошую плату (незаинтересованные в продолжении стачки и составляющие среди старост громадное большинство) стали вести закулисную агитацию за прекращение забастовки; и для того, чтобы вклин добиться своей цели, они постарались освободить рабочих от возбуждающего действия массовых собраний и от влияния немногих ораторов, поддерживавших настроение рабочих, разбив их по цехам, где рабочие подпадали почти под их исключительное влияние. Таким образом, им удалось добиться прекращения забастовки на «Французском» заводе. Рабочие Черноморского завода не соглашались прекратить забастовку. Тогда дирекция воспользовавшись случаем, рассчитала всех рабочих (там теперь дало плохия), и пост обратного приема, 150 человек остались за штатом. На «Французском» заводе рабочие недовольны большинством своих старост, оказавшихся на высоте своего и без того невысокого положения; рабочие окрестили их «экономистами», благодаря которым рабочие Черноморского завода остались без поддержки.

Описанная стачка — первая крупная сознательно проведенная стачка в Николаеве. Она, несомненно, будет иметь громадное воспитательное значение для николаевских рабочих. За эти несколько стачечных дней политическое и классовое самосознание рабочих поднялось больше, чем это достигается за год агитации. Воспитательное влияние ее, несомненно, не меньше влияния удачной демонстрации. Больше всего приятно поражаешь выдержанность рабочих. Когда два разгнанных (до этого) цыпных мастеровых побили мастера, то этот факт вызвал всеобщий протест. Когда разнесся слух, что к заводу идут солдаты, рабочие страшно переполошились, и некоторые старосты заявили директору, что, являясь руководителем, маской, они слагают с себя всякую ответственность, как только на заводе появятся хоть один солдат. Директор, поражен-

ный выдержанностью рабочих, в улетении крикнул: «Если солдаты явятся, я стану среди вас». Мы не ручаемся, конечно, что он исполнил бы свое обещание в критический момент, но это его улетение показывает, в какой психической атмосфере он находился. В некоторых случаях, во время речей дало почти доходило до криков: «Долой такого-то старосту», который слишком усердно проявлял свою наклонность к экономизму. В одном цехе рабочие заявили старосту: «Нам надо выбрать другого старосту — ты экономист, а староста должен быть политиком». Несмотря на любовь к парламентаризму градоначальника, в городе везд были наготове войска. Стачка оказала свое отраженное действие на другие заводы. Так, на заводе земледельческих орудий братьев Донских рабочие потребовали шабаша по субботам в два часа и немедленно получили удовлетворение. Брожение было и в мастерских военного порта и на заводе Уманского. Комитет не мог развить свою деятельность шире, в виду того, что в типографии случился замик. Так, например, была приготовлена прокламация, всесторонне разъясняющая значение старост, но она, к великому сожалению, по незавысшим от Комитета обстоятельствам, не была напечатана. Выходя в эти дни только и говорили, что о стачке. На бульварах, на улицах можно было услышать обсуждение, комментарии, искажения, создавались цыпные легенды... Среди рабочих сильно возрос спрос на литературу.

Убийство шпона. 1 мая на Нарвской пристани в Петербурге состоялось собрание ЮП организационных рабочих, на которое проинк шпона. Узнав об этом, рабочие тут же объявили, что если участники собрания будут арестовываться, шпона будет убит. Вскор пост этого несколько человек было арестовано по обвинению в том, что участвовали на сходке. 26 мая шпона были найдены убитыми на глухой улице. Негодяю нанесено семь колотых ран. В момент убийства шпона являлся в кармане приказ об аресте двух рабочих, за которыми он, по видимому, следил. Фамилия шпона — Туляев.

Петербург. Неудачная забастовка маневровых рабочих. (Спаская и Петровская мануфактуры. Письмо рабочего.)

У нас еще до 1 мая стали поговаривать о трехдневном гулянии в память 200-летия Петербурга. 14 мая на фабрике было объявлено, что 16 мая не будет работы и нам заплатят дневной заработок. Конечно, рабочие были и этому рады. Но 21 мая нам раздали наши рабочие книжки и мы увидели, что плата поставлена только в 1/3 дневного заработка для большинства рабочих, а для слесарей — и того меньше (вместо 1 р. 80 коп. и 2 р. 50 к. — всего по рублю). Мы вычитали, что управляющий (Юма Романов) при таком расчете ограбил нас тысячи на полторы рублей. Некоторые мальчишки и ватерки пошли к управляющему и стали говорить, что он поступил плохо и требовали еще прибавки. Но Юма Романов послал их «к черту», а некоторых и в шею вытолкнул. 23 мая человек 40 мальчишек на Спаской мануфактуре бросило работу постобла. Когда заперлась паровая, они стали бить по этажам и кричали, чтобы не работали. Работа остановилась. Сознательных рабочих было мало и большинство бросило работу только потому, что мальчишки грозили порвать основу, если будут работать. Больше смелые люди вышли во двор и стали кричать, что надо идти на другую (Петровскую) фабрику. Нашлось таких смельчаков немного: человек 40 мальчишек, 10 женщин и двукучек и человек 20 ткачей. На Петровской ничего не знали о нашей забастовке. Пришедших было слишком мало и они не могли остановить фабрику, как было в третьем году. Являясь полиция, стала сперва уговаривать нас, чтобы мы ушли на свою фабрику и работали, а когда мы не послушались, фабричный околочный стал ругаться и даже ударил своей «селезкой» одного рабочего. Мы позвали Петровских рабочих на свою фабрику, но никто не пошел за нами. Вернулись к себе, а у нас уже старший фабричный инспектор с помощником. Стали спрашивать, что нам нужно. Рабочие закричали: «Долой управляющего» и еще много кричали, но ничего нельзя было разобрать: кричали все вместе. Инспектор стал просить, чтобы мы выбрали нескольких депутатов для заявления требований. На это рабочие закричали: «Знаем мы вас — не в первый раз! Потому вы эти депутаты глотать закнете, забереете!» Видя инспектор, что рабочие не слыны и просят нас стать по группам: ткачей, прядильщиков и т. д. Рабочие выполнили это и он стал опрашивать по отдельным группам, почему не работают. Ткачи указали на невыплату платы за 16 мая; на то, что основа и уток худые, шлехтуют худо старым станком, плохое освещение на фабрике и грубое обращение со стороны подмастерьев, словом, требуют того, без чего нельзя хорошо работать. И что же? нас сосчитали за бунтовщиков, пригнали полицию! Все рабочие требовали увольнения управляющего; ватерки просили лучшей прижи и увеличения расценок. Инспектор сказал, что даст ответ 31 мая. Рабочие все-таки в этот день на работу не пошли, но на второй день возобновили работу, решив дожидаться 31 мая (суббота). В этот день на фабрике вывесли объявление, что требования не будут исполнены. С понедельника (2 июня) все рабочие бросили работу, причем этот раз Петровские начали. В этот день на фабрику приехал помощник инспектора, но его послали к черту и объявили трубочистом. Стачка дилась до четверга (5 июня). В этот день часть рабочих работала до обеда, так как был объявлен расчет тем, кто не станет на работу в этот день. После обеда все — работавших и неработавших — вызвали на фабричный двор, где собралось много полиция. Полиция пошла нас на работу, грозя расчехом всем, кто на это не согласится. В 5 часов все пошли на работу на старых условиях.

С-Петербург. 22 марта начальник Варшавских железнодорожных мастерских. Конев, пригласил в свой кабинет нескольких рабочих и объявил им, что, желая увеличить штат рабочих, он не может давать больше 30% (вместо прежних 30%) на рубль к цеховому жалованью, и при этом напомнил рабочим, что в настоящее время в Петербурге находится масса безработных... Рабочие ответили, что они только в том случае согласятся на понижение процентной платы, если цеховая будет повышена до 1 руб. 40 коп. (вместо прежних 1 руб. 20 коп.). Конев, конечно, отклонил это условие, заявив, что больше 1 руб. 10 коп. — 1 руб. 20 коп. по цеху он платить не будет. В три часа дня во всех мастерских были вывешены объявления о понижении платы на половину; рабочие немедленно бросили работу, отказавшись принять новые условия. Первая остановилась отделочная мастерская, где большей частью работают мужчины; ворвавшись в другие мастерские, они остановили всю работу. Немедленно была вызвана полусотня казаков, которые безобразно избивали рабочих нагайками... На следующий день, рабочие пришли на завод, но за работу никто не принимался. Приехал фабричный инспектор и рабочие объявили ему свои требования: сохранение прежних расценок и уменьшение рабочего дня. Инспектор грубо ответил рабочим, что требования их не будут удовлетворены, и увещевал приняться за работу. «Все равно не будет по вашему», говорил этот чиновник. «Нельзя, по вашему не будет», ответили ему рабочие. Между тем, озлобление рабочих достигло крайнего предела и, когда женщины, под влиянием инспектора, хотели было пойти за работу, рабочие бросились на них с криком: «Ура!» и сильно избивали (около десяти раненых). Та же участь постигла и мастеров, которые издвигались над рабочими и угрожали, что, если рабочие не возьмутся за работу по указанным в объявлении расценкам, то они примут иностранцев. По приказу градоначальника было предложено получить расчет, но рабочие отказались его принять. Тогда приехал сам Клейгельс, расспрашивал рабочих об их недовольстве и обещал расскобрать расценки. Во время стачки приходилось поддерживать только стариков, молодые же отказались от помощи.

Типографія „Искры“